

сериализация

ДЖО БЕВЕРЛИ

*Возвращение
повесы*

Очарование (АСТ)

Джо Беверли

Возвращение повесы

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Беверли Д.

Возвращение повесы / Д. Беверли — «Издательство АСТ»,
2006 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-136603-2

После долгих лет жизни в далекой Канаде Саймон Сент-Брайд, человек с поистине обостренным чувством справедливости, уже готов вернуться домой в Англию... но его планы рушатся... Он впутывается в скверную историю с дуэлью за честь Джейн Оттерберн, в результате которой репутация девушки оказывается настолько скомпрометирована, что Саймону остается лишь одно – немедленно и скоропалительно на ней жениться. Брак оказывается на удивление счастливым, молодожены с каждым днем все сильнее влюбляются друг в друга. И лишь одно не дает Саймону покоя: почему его обожаемая супруга так упорно отказывается говорить о своем прошлом? Чего она боится?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136603-2

© Беверли Д., 2006

© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джо Беверли

Возвращение повесы

© Jo Beverley, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

*Йорк, Верхняя Канада.
Сентябрь 1816 года*

Когда в компании выпивающих мужчин вдруг устанавливается напряженная тишина, жди неприятностей.

Саймон Сент-Брайд, игравший в вист в доме д'Арси Боултона, не замечал ни гомона партнеров, ни дыма глиняных трубок и сигарилл. Когда же наконец стихли беззаботные голоса, он сразу насторожился – особенно после того, как Боултон, бросив взгляд куда-то ему за спину, пробурчал:

– Явился, чертов оригинал. Если тебя это интересует. Ланселот Макартур.

Саймон живо представил себе облик этого чиновника из Бюро по делам индейцев: пухлый, краснощекий, с копной черных кудрей, густо смазанных помадой, с пронзительными близко посаженными темными глазами... Жилет на нем был кричащего цвета, воротник – слишком уж высокий, медные пуговицы – слишком большие, но при этом он считал, что одевается с отменным вкусом.

Саймон ни секунды не сомневался: Макартур разворовал казенные деньги на все эти безвкусные излишества. Годами этот человек лгал и изворачивался, растрачивая средства, выделяемые индейским племенам в награду за участие в минувшей войне ¹на стороне Британии.

Саймон специально задержался в Верхней Канаде, чтобы откопать доказательства, обличающие растратчика. Он уже собрался уезжать, но несколько дней назад его предупредили: до Макартура якобы дошли слухи о его расследованиях. За дружеским предупреждением он расслышал и другое: «Убирайся в Англию к своим аристократам, там твое место».

Выходит, Макартур намеренно нарывался на неприятности. Но с какой целью? И как ему, Саймону, на это реагировать?

Почти все джентльмены, собравшиеся у Боултона, были просто его случайными знакомыми; к тому же Саймон понимал, что большинство из них поддержит любые меры – только бы вытеснить индейцев на обширные западные территории, освободив место для обустройства и процветания англичан.

– По-моему, масть. – Саймон выложил перед собой пять трэф. Капитан Фарли, сидевший слева от него, разыграл свои карты, и игра продолжилась.

Вскоре разговоры возобновились, но внимание Боултона по-прежнему занимало то, что происходило за спиной у Саймона. Тот же прекрасно знал, что Макартур с удовольствием вонзил бы ему нож в спину, если бы мог. Были и другие, которые хотели бы ему отомстить за причиненные «неудобства», но у них не имелось для этого нужных связей в Англии. А у него, у Саймона, такие связи имелись. Он, Сент-Брайд из Брайдсуэлла, состоял в близком родстве с графом Марлоу и в дальнем – почти со всеми титулованными особами Британии. К тому же у него были могущественные друзья, например граф Чаррингтон, виконты Эмли и Миддлторп, а также маркиз Арден, наследник герцогства Белкрейвен.

Иными словами, он был человеком слишком знатного рода и слишком влиятельным, так что его убийство не осталось бы безнаказанным для жителей Йорка.

По крайней мере он очень на это надеялся.

– Не стоит сплетничать о даме, Макартур, – послышался вдруг чей-то голос.

– Да-да, конечно, – тут же отозвался Макартур. – Но все-таки чертовски странно, что молодая красивая дама не танцует на балах и даже не ходит на музыкальные вечера.

¹ Имеется в виду англо-американская война 1812 г. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Ходи же, Саймон... – проворчал Боултон. Сообразив, что задерживает игру, Саймон бросил карту и тут же снова задумался. Насмешливое замечание Макартура, судя по всему, относилось к Джейн Оттерберн. Но чего же этот мерзавец добивался?

Восемнадцатилетняя Джейн Оттерберн была племянницей Исаяи Тревитта, друга и наставника Саймона. В прошлом году, осиротев, она переплыла Атлантику и теперь жила со своим дядей. Воспитанная в пуританском духе, она была чрезвычайно скромна, и даже трудно было представить, что такая девушка могла бы стать участницей какого-либо скандала.

– Да, в трауре, – сказал Макартур в ответ на чье-то замечание, – но год уже прошел. В августе, кажется.

– Очень скромная девочка. Полагаю, в этом нет ничего плохого, – говорил добродушнейший майор Тернбулл. – Хотел бы я, чтобы мои девочки были такие же почтительные и смирные.

– Вероятно, ваши милейшие дочери могли бы уговорить мисс Оттерберн выйти в люди, – продолжал Макартур.

– Они пытались, – отвечал майор, – но им не удалось ее уговорить. Впрочем, это личное дело самой мисс Оттерберн, – добавил Тернбулл.

– Но она ведет себя совершенно неестественно, – заявил Макартур, и в комнате снова воцарилась тишина. – Не проявлять интереса к невинным удовольствиям? Не заинтересоваться молодыми красивыми офицерами и прочими галантными джентльменами, желающими привлечь ее внимание?

Саймон невольно нахмурился. Порядочный человек, конечно же, должен был дать этому субъекту достойный ответ, должен был поставить его на место, но ему не хотелось привлекать излишнее внимание к словам Макартура.

– Возможно, это и хорошо, что мисс Оттерберн не приняла предложение ваших милых девочек, – заметил Макартур. – В конце концов, что мы о ней знаем, кроме того, что рассказал Тревитт? Принять его рассказы за чистую монету? А может, она ему не совсем племянница?..

Саймон стремительно поднялся на ноги, громыхнув стулом.

– Черт возьми, что за инсинуации, Макартур?!

– Мой дорогой Сент-Брайд, что, собственно, вызвало у вас такой гнев?

Саймон окинул взглядом комнату. Если сейчас он сделает неверный ход, репутация Джейн... превратится в кучу навоза. Стараясь держать себя в руках, он проговорил:

– Разумеется, ваши слова про чистую монету. Как вы смеете обвинять Исаяю Тревитта в воровстве, сэр?! Впрочем, думаю, эта тема весьма актуальна для Бюро по делам индейцев.

Макартур тоже встал. Его и без того красное лицо побагровело.

– Какого черта? Что вы хотите этим сказать, сэр?

Саймон видел надвигающуюся опасность, но пришло время опрокинуть столы. И перейти к открытому скандалу.

– В Бюро по делам индейцев поступают значительные суммы, но они почему-то никогда не доходят до племен. Странно, не правда ли? И при этом некоторые чиновники из этого Бюро живут на удивление хорошо, что тоже весьма странно.

Все присутствующие молча смотрели на Саймона. Он же вбил последний гвоздь.

– У вас пять новых домов, Макартур. Откуда?

Макартур смертельно побледнел и, задыхаясь, выкрикнул:

– Вы лжете!

– У вас нет пяти домов? Приношу самые искренние извинения. Очевидно, виноват архитектурный отдел...

– Я не о том, черт возьми! – взревел Макартур. – Назовите вашего секунданта!

Саймону пришлось сделать над собой усилие, чтобы не ухмыльнуться. Возможно, Макартур с самого начала добивался дуэли, надеясь убить врага, но ведь теперь получалось, что ему придется сражаться за свою несуществующую честность...

Вероятно, Макартур сообразил это, но было поздно. И сейчас он выглядел так, будто преспокойно вышагивал по улице – и вдруг провалился по шею в трясину. Было совершенно ясно – чем бы ни кончилась дуэль, вскоре на положение индейцев в Верхней Канаде обратят внимание, а собранные Саймоном доказательства поплывут в Англию – хоть с Саймоном, хоть без него.

Саймону, однако, требовался секундант. Боултон же не очень-то подходил на эту роль, так как участие в дуэли могло бы поставить его семью в сложное положение. Фарли был женат, поэтому тоже отпадал. А вот капитан Нортон, не имевший намерения надолго задержаться в Канаде...

– Могу я на вас рассчитывать, Нортон? – спросил Саймон. Капитан вздрогнул, но все же кивнул:

– Да, разумеется.

– А вы, Делахей, что скажете? – Макартур взглянул на сидевшего рядом с ним офицера. Лейтенант Делахей, один из друзей Макартура, тут же согласился.

Разговоры возобновились, но теперь все говорили гораздо тише, чем прежде.

Саймон с Нортоном отошли в сторону.

– Если он возьмет обратно свои слова про Джейн Оттерберн...

– Дело не в ней, – перебил Саймон.

– Да, конечно. – Нортон поморщился. – Но может быть, вы откажетесь от своих обвинений? Или, может, он вас неправильно понял?

– Нет. Но если он пожелает отменить вызов, то я не буду настаивать.

Нортон вздохнул.

– Пистолеты? На двенадцати шагах?

Саймона больше устроила бы схватка на кулаках, но он согласился. Раньше ему не приходилось драться на дуэлях, но правила он знал.

Он был метким стрелком, но, возможно, Макартур тоже, раз подстрекал его к дуэли. Пожав плечами, он собрался уходить, но Макартур был уже в дверях, а Саймону не хотелось выходить из дома с ним вместе. Он подошел к камину и, снова окинув взглядом комнату, вдруг заметил, что все отводят глаза – никто не желал с ним заговаривать.

Минуту спустя все поднялись, словно по команде, и стали расходиться – вероятно, спешили разнести новость по городу. Значит, через полчаса в городе узнают о дуэли и о ее причине – растрате Макартуром казенных денег. И конечно же, начнутся разговоры – о Макартуре, об индейцах, о местных политиках, о доходах, а также о видах на урожай. И разумеется, будут ругать его, Саймона Сент-Брайда, который лезет не в свое дело.

Достанется и Макартуру, потому что никто не поверит, что Джейн – любовница Исаяи. Или, может быть, кто-то поверит?

«Черт бы побрал этого мерзавца! – думал Саймон, глядя на пылавшее в камине пламя. – Но и Джейн следовало бы отчитать за то, что она не такая, как все».

Но ее, конечно, можно понять... Смерть матери, утомительное путешествие через Атлантику... К тому же во время плавания умерла ее кузина, которая была ей как родная сестра. И в довершение всех бед она прибыла в Канаду в ноябре, накануне суровой зимы.

Что же удивительного в том, что она отказывалась кататься на коньках и санях? А траур, вероятно, служил поводом не ходить на балы и ассамблеи. Однако к Пасхе погода улучшилась, а Джейн по-прежнему отказывалась от всех приглашений.

Исайя с радостью одел бы ее в самые лучшие и дорогие наряды и представил бы здешнему обществу. Пусть он и начинал судовым плотником, но добился успеха и был принят в свете.

А такая красивая девушка, как Джейн, могла бы сделать отличную партию. Хотя Йорк стоял в дикой местности и насчитывал не более тысячи жителей, он все же являлся столицей Верхней Канады, и здесь было немало молодых людей из хороших семей.

Но Джейн жила монашкой. Она и одевалась как монашка – в скучные темные платья и белый капор. И все-таки унылая одежда не могла скрыть ее прекрасную фигуру, огромные голубые глаза и пухленькие чувственные губки. И сколько она ни старалась, чудесные золотистые кудри постоянно выбивались из-под капора.

Ни один мужчина не оставит без внимания такие достоинства, а подчас даже будет предаваться фантазиям, чем и занимались все мужчины Йорка, создавая благодатную почву для измышлений Макарура.

К камину подошел Нортон.

– Завтра на рассвете, – сообщил он. – Элсли-Фарм.

Поблагодарив капитана, Саймон направился к двери. Нортон, Фарли и майор Тернбулл вышли вместе с ним.

– Составим вам компанию, Сент-Брайд.

Было совершенно очевидно: если бы Макарур задумал пристрелить его по дороге, он не стал бы добиваться дуэли. Но Саймон все же решил, что спорить не стоит; на темных и узких улочках имелось слишком много укромных мест для засады, поэтому следовало проявлять осторожность.

Они говорили о погоде, о том, что в этом году, наверное, рано замерзнет река Святого Лаврентия, отрезавшая Йорк от Атлантики и Британии на четыре-пять месяцев в году. Обсуждали также свадьбу принцессы Шарлотты и многое другое, однако о дуэли не обмолвились ни словом.

Возле дома Саймон поблагодарил офицеров за компанию и, повернувшись к Нортону, сказал:

– Вы не могли бы уговорить Плейтера присутствовать в качестве врача?

Капитан кивнул:

– Да, я уже думал об этом.

При этих словах секунданта у Саймона похолодело в груди. Армейский хирург Плейтер имел обширный опыт, причем сталкивался не только с огнестрельными ранениями, но и производил ампутации.

Увечья Саймон боялся больше, чем смерти. Глупо, конечно, но тут уж ничего не поделаешь. Страх возник после того, как два года назад его друг, майор Хэл Боумонт, потерял в бою руку. Саймон сделал для Хэла все, что мог, но был не в силах преодолеть постыдный, тошнотворный ужас.

Некоторые офицеры после подобных увечий продолжали служить, однако война уже подошла к концу, и Хэл продал свой патент. К счастью, он имел независимый доход, завещанный дядей, но, возможно, все равно не оставил бы службу, если бы не почувствовал, что уже не способен выполнять свой армейский долг.

Саймон вошел в дом; там было тихо, только часы тикали. Хотя Исайя считался весьма богатым торговцем, даже ему было трудно найти в городе слуг – особенно мужчин, – которые стали бы жить при доме, когда вокруг имелось столько доступной земли, соблазняющей, как пение сирен.

У Исайи были две молодые горничные, древняя кухарка, она же домоправительница, миссис Ганн, и молодой парень Том, следивший за лошадьми. Над конюшней жил старый друг хозяина, одноглазый плут по имени Сол Прити, он ухаживал за садом, когда имел желание.

Том и горничные жили у себя и только приходили в дом Исайи, а миссис Ганн находилась при кухне, соединявшейся с домом переходом – нелишняя предосторожность на случай пожара в городе, почти сплошь застроенном деревянными домами.

Исайя так и не сумел подыскать подходящего камердинера, и даже его секретарь Солтер в конце концов сбежал и обзавелся собственным «поместьем».

Саймон понимал, что несправедливо насмехаться, когда сам являешься наследником настоящего поместья, – но сколько он видел таких полных надежд поселенцев, которые теряли свои дома, а потом обвиняли индейцев!

Он мысленно перенесся в свой прекрасный Брайдсуэлл, старинный каменный особняк, расположенный в холмистом Линкольншире. Неподалеку от поместья находилась чудесная деревушка Монктон-Сент-Брайдс – такая уютная и живописная в отличие от этого канадского городка. Ох, как же давно он не был дома...

Саймон едва не задохнулся при мысли, что может больше никогда не увидеть Брайдсуэлл. Он уехал оттуда четыре года назад, часто скучал, но никогда, даже когда отбивался от американцев, и вообразить себе не мог, что вообще не вернется домой.

Может, это предчувствие?

Саймон помотал головой, словно отгоняя тревожные мысли, и, усевшись на стул, принялся снимать сапоги и кожаный армейский жилет. Потом взял свечу, горевшую под стеклянным колпаком в ожидании его прихода, и невольно улыбнулся. Джейн постаралась... При всех своих странностях она была прекрасной хозяйкой. В последнее время холостяцкий приют Исайи приукрасился, появились цветы и ароматические сухие смеси из цветочных лепестков, сменилась полировка для полов, и они стали ярче блестеть.

Поднимаясь наверх, Саймон чувствовал запах Джейн – запах, напоминавший об английской весне.

Впрочем, сейчас ему следовало подумать совсем о другом... О завещании, а также о письмах Исайе и родителям.

О господи!..

Открылась ближайшая дверь. На пороге стояла Джейн Оттерберн. Она была в ночном чепце, завязанном под подбородком, и в длинном зеленом халате, из-под которого только на руках и по вороту выглядывали кружева ночной рубашки.

Почему же она кажется ему такой... недетой?

– Добрый вечер, – пробормотал он с некоторым раздражением в голосе. – Что-то случилось?

О боже, неужели она уже узнала?

Джейн чувствовала себя так же неловко, как и он.

– Исайе стало плохо, – прошептала она. – Еще один приступ лихорадки. Но он отказался послать за доктором Болдуином. – Она прикусила губу. – Извините, не надо было вас беспокоить. Извините...

Он напомнил себе, что Джейн – всего лишь восемнадцать.

– Если к утру ему не станет лучше, мы этим займемся, – ответил Саймон и тут же мысленно добавил: «Если, конечно, я буду жив».

– Да, спасибо... Приятно провели вечер?

– Терпимо. Спокойной ночи, Джейн.

– Спокойной ночи, Саймон.

Он осторожно прошел мимо двери Исайи и направился в свою просторную комнату в задней части дома. Кровать, стоявшая в алькове, на день закрывалась шторой, отчего комната приобретала вид гостиной. Иногда Саймон принимал здесь приятелей, хотя чаще делал это внизу. Исайе нравилась молодежная компания.

Переступив порог, Саймон осмотрелся. Как всегда, приветливо пылал камин, а возле него стоял кувшин с водой, накрытый для сохранения тепла. Странно было думать, что, возможно, сегодня ему в последний раз предстоит спать в этом доме, умываться, чистить зубы...

Саймон вздрогнул при этой мысли и налил себе бренди. Сделав глоток, сел к столу, чтобы написать завещание и письма. Хотя он являлся наследником Брайдсуэлла, в настоящий момент ему принадлежали только кое-какие личные вещи и скромная сумма денег, еще оставшаяся от отцовского обеспечения. Так что с завещанием он управился быстро.

Писать Исайе оказалось труднее, так как было ясно: рано или поздно тот узнает о причине дуэли и сочтет себя виновником произошедшего. Саймон долго раздумывал и в конце концов просто написал благодарственное прощальное письмо, в котором делал упор на то, что избрал дуэль как способ разоблачить растратчика.

Самой тяжелой задачей было письмо к родителям. Он никак не мог к нему приступить.

Родители очень старались уберечь его от всевозможных неприятностей. Семейство Сент-Брайдов всегда держалось поближе к дому, то есть к Линкольнширу. Годами здесь благополучно жили поколения Сент-Брайдов, жили большими семьями, но Саймону такая жизнь казалась муравейником. Он хотел сражаться с Наполеоном, как его друзья Хэл Боумонт, Кон Сомерфорд и Роджер Меррихью, но мать закатила истерику, а отец заговорил об ответственности Саймона как старшего сына. Выходит, его братья, Руперт и Бенджи, не несли никакой ответственности?

В конце концов ему разрешили занять должность секретаря при лорде Шепстоуне – тот отплывал в Канаду, чтобы по возможности уладить разногласия между Канадой и Америкой. Конечно, оставался некоторый риск – путешествие по морю, – но считалось, что Саймон отправлялся не на войну. Когда же американцы вторглись в Канаду, долг призвал его взяться за оружие. Несмотря на неизбежные ужасы войны, Саймон ею упивался, а потом, когда британцы отбили нападение, он был глубоко возмущен тем, как его соотечественники обходились со своими союзниками-индейцами. И он остался, чтобы вступить в новую войну...

Сообразив, что просто тянет время, обдумывая письмо родителям, Саймон решительно обмакнул перо в чернильницу. И тотчас же представил, сколько слез будет пролито дома, если завтра на рассвете его убьют.

Письмо вышло коротким. Да и что он мог написать своим родителям? Только то, что очень любит их и благодарит за заботу. Заканчивалось же письмо так: «Все, что есть во мне хорошего, я получил от вас, мои дорогие родители. А любую глупость следует, разумеется, отнести к цвету волос Черного Адемара».

А потом он вдруг задумался: не будет ли семейная шутка дурным тоном? Но какой тон может быть верным в таком письме? К тому же это чистейшая правда.

Большинство Сент-Брайдов не находили никакого удовольствия в приключениях, но на дальних ветвях фамильного древа притаился Адемар де Брак.

Адемар жил в тринадцатом веке, был младшим сыном обнищавшего рыцаря и сделал себе имя и состояние в крестовых походах, а также на рыцарских турнирах. Безусловно, он заслуживал прозвище Черный Адемар за многие свои гнусные поступки, но второе его прозвище – Дьявол – происходило от того, что у него на голове среди рыжих волос пробивались черные.

Такую же «дьявольскую» гриву Саймон видел, когда смотрел в зеркало.

Говорили, что этот признак мог поколениями таиться в засаде, но когда выскакивал, то родители знали, что получили кукушку в гнездо: такой Сент-Брайд становился бездельником, причем в лучшем случае. Увы, у его несчастных родителей появились два таких ребенка. Когда родилась девочка, они посмотрели судьбе в глаза и назвали ее Адемарой. Поведение Мары пока что не вызывало нареканий, но ей было всего лишь восемнадцать...

Саймон не стал вычеркивать семейную шутку и, подписавшись, запечатал письмо. Потом вдруг сообразил, что должен еще кое о чем позаботиться – о собранных им уликах (происходило множество всевозможных нарушений по отношению к индейцам, например нарушение обещаний и приобретение обширных земель за бесценок). Имелись и другие свидетель-

ства обманов и даже преступлений, совершенных Макартуром и его помощниками. Некоторые документы были подписаны и заверены людьми, позднее ушедшими из жизни при загадочных обстоятельствах. Другие являлись копиями загадочных посланий, которые предстояло тщательно изучить. Саймон был уверен, что ссылки на «деньги» и «землю» на деле означали определенных людей в администрации и воинском начальстве, но не мог расшифровать код.

Если его убьют, бумаги следовало доставить в Англию, но кому их можно доверить? Исая болен. Приятели, возможно, не захотят ссориться с Макартуром. Вице-губернатор Гор, глава местной администрации, – человек честный, но и у него может возникнуть искушение похоронить дело, сулящее неприятности.

Саймон подумал было о Джейн, но тут же сообразил, что этот груз слишком тяжел, чтобы его взваливать на плечи молоденькой девушки. В конце концов он распечатал письмо к Исаяе и сделал приписку – попросил позаботиться об этом деле. Даже больной, Исаяя знает, что делать.

Затем он проверил и почистил пистолеты – хоть и не дуэльные, но очень надежные. Саймон надеялся, что можно будет воспользоваться этим оружием. А если у Макартура найдется своя пара, они подбросят монету. Потом он налил себе еще бренди и сел перед затухавшим камином.

Полчаса спустя Саймон лег спать.

Глава 2

«Какого черта люди устраивают дуэли именно на рассвете?» – думал Саймон, расхаживая по поляне, чтобы не замерзнуть. Он то и дело поглядывал на небо – над восходящим солнцем нависла тяжелая туча, так что вполне можно было надеяться, что пойдет дождь или снег с дождем. В таком случае дуэль могла бы и не состояться, потому что возникал бы риск, что кто-то из дуэлянтов намочит порох.

Царила тишина – молчали птицы, даже собаки не лаяли, и только глухо стонал лес. Когда Саймон приехал в Канаду, он был поражен этим звуком, действительно напоминавшим стон. Белые считали его предвестником несчастья, а индейцы воспринимали это как чудесную музыку.

А может, столь ранний час выбирают потому, что опасаются вмешательства властей? Что ж, очень даже разумно...

И неудивительно, что Макартур пытался избавиться от врага именно таким способом. Отпрыск аристократов погиб на дуэли, защищая честь женщины... Печально, конечно, но ничего особенного.

Что же касается истинной причины дуэли... Чем бы дуэль ни закончилась, Макартур заплатит за свои преступления. Во всяком случае, Саймону очень хотелось в это верить.

Он посмотрел на своего противника – тот тоже с совершенно невозмутимым видом расхаживал по поляне. Следовало отдать ему должное: он хоть и негодяй, но не трус. Жадность толкнула его на обман, воровство и даже убийство, однако последнее Саймон, к сожалению, не мог доказать.

Тем временем Делахей и Нортон во всех подробностях обсуждали детали предстоящей дуэли. Чуть поодаль стоял гарнизонный хирург Плейтер – хмурый, угрюмый, в низко надвинутой на лоб широкополой шляпе и с шарфом вокруг шеи. Появившись на лужайке минут двадцать назад, он приветствовал собравшихся словами: «Что за глупость?!» – и тут же отошел в сторону со своим черным чемоданчиком весьма устрашающего вида.

Наконец секунданты отмерили шаги и обозначили веревками линию огня. «Давайте, давайте, – мысленно поторапливал их Саймон, – пусть скорее все решится». Но важно было в точности соблюсти надлежащие процедуры, иначе кого-то из участников дуэли могли бы повесить за убийство – даже секундантов.

Затем Нортон и Делахей отошли, чтобы проверить и зарядить pistols. Чтобы никому не давать преимущество, они взяли pistols у кого-то из приятелей, и обоим дуэлянтам пришлось согласиться с таким решением.

Стараясь успокоиться, Саймон наконец остановился и посмотрел на сероватые воды озера Онтарио. Оно было огромное, как море, здесь имелся даже флот, но все же это не море. Ему пришло в голову, что он, возможно, умрет вдали от Северного моря, на которое так любил смотреть из окна своей комнаты в Брайдсуэлле... Там были идиллические катания на лодках, и там пахло солью, пахло настоящим морем.

Как ни странно, но во время войны он не думал о смерти, а вот сейчас...

«Быстрее же, быстрее! Приступайте наконец к делу!»

Услышав за спиной шаги, Саймон обернулся. К нему подошел Нортон с pistolом в руке, и сердце его тут же гулко забило – как перед атакой. Сняв теплую накидку и перчатки, он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, – так всегда делал и на войне, когда сердце слишком уж колотилось...

Передав накидку и перчатки Нортону, Саймон взял у него pistol – и к нему тотчас же вернулось спокойствие. Он занял свое место и сказал себе, что стреляется за правое дело, поэтому должен вернуться к семье живым и здоровым.

Макартур будет стрелять на поражение?

Скорее всего именно так.

Значит, он должен делать то же самое.

Но Саймон знал, что не сможет, поэтому решил, что будет целиться в плечо, чтобы только ранить.

Повернувшись к противнику боком, он пробормотал: «Адемар, aidez-moi»². Такая привычка появилась у него во время войны, и, как всегда, в душе воцарилась холодная отрешенность, столь необходимая в решающее мгновение.

Считать выпало Делахею: один, два, три, потом – взмах платком. Так делалось для того, чтобы дуэлянты смотрели на него, а не прицеливались заранее.

– Один.

Саймон поднял пистолет.

– Два.

Он твердой рукой направил дуло на Макаркура, целясь в плечо.

– Три.

И тут раздался женский крик:

– Остановитесь! Остановитесь, я вам говорю!

В следующее мгновение Макаркура спустил курок.

Выстрел еще гремел над лужайкой, а все уже повернулись на крик – по замерзшей дорожке бежала Джейн Оттерберн; волосы ее развевались на ветру, а юбка задралась до колен.

Саймон в ярости закричал:

– Джейн, иди домой!

– Нет! Дядя Исайя... – Она с трудом перевела дыхание. – Несчастный случай... Саймон, он умирает! Он зовет вас.

На ней было ее обычное темное платье и плащ, но распущенные золотисто-рыжие волосы, спускавшиеся до пояса, поражали своим великолепием.

Сделав глубокий вдох, она выпалила:

– Идемте быстрее, вы сможете убить друг друга и завтра!

Саймон на секунду замер, потом отдал пистолет Нортону и быстро направился к лошади.

– Нет, ты не можешь улизнуть! Трус! – закричал ему вслед Макаркура. – Я отхлещу тебя плетью!

Саймон резко развернулся.

– Я буду драться с тобой завтра, Макаркура, и убью тебя. Убью с огромным удовольствием. А сейчас мне нужно к другу. – Он побежал, но, услышав за спиной тяжелое дыхание Джейн, снова остановился. – Так что же у вас случилось?

– Дядя... он застрелился. – Девушка подбежала к Саймону. – Он узнал про дуэль и решил драться вместо вас. Взял пистолет... и что-то, наверное, вышло не так.

– Старый дурак! – в отчаянии завопил Саймон, подбегая к своей лошади. Неужели Исайя действительно умирает?! Он с ненавистью посмотрел на Джейн, вестницу несчастья. – Сможешь ехать сзади?

Она посмотрела на лошадь.

– Не пробовала... – И тут же решительно добавила: – Конечно смогу.

Саймон вскочил в седло, затем помог девушке. Забравшись на лошадь, она уселась по-мужски, нисколько не заботясь о том, что открыла колени. Но она ведь и прежде об этом не заботилась, когда бежала по дорожке... Что же случилось со скромницей Джейн?

Какое-то время она колебалась, когда потребовалось обхватить его руками, но затем выполнила указание Саймона и крепко прижалась к его спине. Он пришпорил лошадь, и они

² Помогите (*фр.*).

поскакали в город. Ехать было несколько минут – но неужели Джейн действительно бежала всю дорогу?

И зачем? Зачем вообще надо было сообщать ему об этом?

Он чувствовал себя так, будто весь мир разлетелся вдребезги. А может, дуэль уже закончилась? Может, он тяжело ранен и у него галлюцинации? Но все вокруг казалось абсолютно реальным – и холодный ветер, и стук копыт, и цепкие руки Джейн.

Саймон остановился перед Тревитт-Хаусом, соскочил на землю и помог Джейн спуститься с лошади. Только вбежав в дом, он понял, что держит девушку за руку, и чуть отстранился от нее.

В доме, как и перед ним, толпились люди, и Саймону пришлось поначалу проталкиваться сквозь толпу. Когда же его узнали, все расступилось и он быстро прошел в кабинет хозяина.

Его друг лежал на полу – видимо, там Исаяю и нашли. Под голову ему подложили подушку, и кто-то накрыл его одеялом – на нем уже проступила кровь. Увы, было ясно, что рана находилась где-то в области живота. Саймон прекрасно знал, что почти никто не выживает после ранения в живот.

Доктор Болдуин, сосед и приятель Исаяи, опустился возле него на колени. Затем посмотрел на Саймона и сокрушенно покачал головой. Саймон тоже стал на колени и заглянул в лицо раненого. Исаяя был в сознании, но его глаза уже остекленели.

– Я дал ему опиум, – прошептал Болдуин. – Это все, что я могу сделать. Вскоре он умрет от потери крови, и это станет для него избавлением...

Саймон знал, к какой долгой и мучительной смерти приводят брюшные раны в случае заражения. Взяв друга за руку, он тихо проговорил:

– Я ужасно зол на тебя...

– А я на тебя, – ответил раненый. – Пойми, это моя дуэль. Умираю, – добавил Исаяя без особого сожаления. Потом вдруг нахмурился и пробормотал: – Надо позаботиться о Джейн.

Саймон сжал его руку:

– Я это сделаю, не беспокойся.

– Женишься на ней?

Саймон в изумлении молчал.

– Нет! – Джейн рухнула на колени рядом с доктором. – Дядя Исаяя...

– У нее ведь никого нет, – продолжал Исаяя, глядя на Саймона; было заметно, что ему очень трудно держать глаза открытыми. – И еще это несчастье... Обещай, что женишься, иначе не смогу умереть спокойно.

Это был чистейшей воды шантаж! Исаяя Тревитт всегда добивался того, чего хотел, использовал любое оружие, законное и незаконное, и даже перед лицом смерти он не изменился. Саймон понимал, что если будет медлить с ответом, если начнет спорить, то Исаяя, возможно, умрет прежде, чем он даст обещание. А ведь этот человек не раз давал ему советы, спасавшие его от смерти...

– Да, конечно, женюсь, – ответил он и тут же добавил: – Видишь ли, мы с Джейн и так собирались просить у тебя благословения.

Саймон выразительно взглянул на девушку, давая ей понять, что она не должна спорить. Джейн в изумлении смотрела на дядю, однако молчала. Слезы градом катились по ее щекам и падали на серое платье. Эти слезы и распущенные волосы придавали ей сходство со скорбящей Мадонной, написанной Рафаэлем.

– Это надо сделать сейчас, – снова заговорил Исаяя.

Саймон невольно вздрогнул и заглянул в глаза друга:

– Сейчас?.. Но мы ведь...

– Сейчас же, Саймон, – перебил его Исаяя. – Я хочу... хочу быть свидетелем. – Тут глаза его закрылись, и он шепотом добавил: – Сейчас же.

Саймон выпрямился, отошел в сторону и поманил к себе доктора Боулинга. Окружающие из вежливости попятнулись, но было ясно, что все напряженно прислушивались. Тут кто-то протянул ему чашку чая, и Саймон кивнул в знак благодарности. Повернувшись к доктору, спросил:

– Сколько ему осталось?

– Трудно сказать. – Боулинг пожал плечами. – Волевой человек даже при значительной потере крови может протянуть довольно долго. А что с Макартуром? Он убит?

– Она прервала дуэль. – Саймон покосился на Джейн, все еще стоящую на коленях. – Зачем ее послали?

– Видит бог, никто ее не посылал. Но все соседи тряслись от страха, боялись вмешиваться в дело чести. К вашему возвращению он бы, вероятно, уже умер, если бы она не побежала за вами.

Джейн всегда держалась в тени, а теперь вдруг... Какая же она на самом деле? Саймон снова посмотрел на девушку, которой предстояло стать его женой. Да, вероятно, ему придется привести ее в свой дом в Брайдсуэлле.

Ему вдруг вспомнились слова Макартира, и к горлу подступил комок. Действительно, что он знает о Джейн Оттерберн? Он покинул Англию, когда ему было шестнадцать лет, и возвращался только один раз – тогда Джейн была еще ребенком. Выходит, он ничего о ней не знал.

Впрочем, кое-что, конечно, знал. Здесь, в Канаде, Джейн проявила себя как трудолюбивая и добродетельная девушка, и, как верно сказал Исайя, она остается одна в целом мире. Отец умер давно, мать – в прошлом году. Если у нее и были другие родственники, кроме Исайи, Саймон об этом ничего не знал. Получалось, что она в восемнадцать лет останется одна в совершенно незнакомой ей стране.

Да, все верно, но ведь он... Он ее не любит.

Вероятно, у него слишком уж романтические представления о браке. Он все ждал воспетой поэтами ослепляющей, безумной любви к одной-единственной женщине.

И подойдет ли ему Джейн? Ведь она совсем другая.

От Исайи он узнал, что ее мать Марта была в юности швеей, но затем удачно вышла замуж – за школьного учителя, поэтому их дочь была воспитана как леди. Когда же Марта овдовела, то ей, чтобы содержать семью, пришлось открыть галантерейную лавку.

Следовательно, ему предстояло жениться на дочери лавочницы.

Саймон опять заглянул в лицо умирающего и увидел, что тот, снова открыв глаза, смотрит на него вопросительно. Мысленно пожал плечами, Саймон кивнул, давая понять, что согласен. Что ж, по крайней мере он будет избавлен от множества юных леди, ожидавших его дома.

Мать в каждом письме писала про очередную претендентку. Например: «Дорогой, ты должен помнить Алисию Маттингли. Она стала такая красавица, и манеры у нее самые приятные. Прелестно играет на арфе. И двадцать тысяч фунтов приданого. Если ты поспешишь приехать...»

Интересно, что мама скажет про нищую пуританку Джейн Оттерберн?

Окинув взглядом комнату, Саймон подошел к первому, кого узнал.

– Мейсон, могу я вас побеспокоить? Найдите преподобного Строна, хорошо?

Толстяк Мейсон кивнул и вышел из комнаты. И почти тотчас же появился Нортон.

– Как дела? – спросил Саймон.

– Макартур рвет и мечет, но приятели уговорили его вести себя по-джентльменски. Он требует повторной дуэли.

– Он ее получит. А вы, Нортон, очень вовремя пришли. Будете на моей свадьбе.

– На свадьбе?..

Ради Джейн он никому не скажет о своих сомнениях.

– Видите ли, мы с мисс Оттерберн давно уже собирались обвенчаться, а Тревитт желает, чтобы венчание состоялось сейчас, ведь он скоро умрет. Довольно необычно, но такое случается, не так ли?

Нортон нахмурился. Значит, и он считает такой брак мезальянсом? Что ж, ничего удивительного. Нортон был отпрыском аристократического рода, а его брат учился вместе с Саймоном в Харроу.

Сделав глоток чая, Саймон снова взглянул на Джейн – и снова поразился красоте ее золотистых волос, рассыпавшихся по спине и по плечам. «Вероятно, она совсем недавно расплела косы», – подумал он неожиданно.

Когда случилось несчастье, в доме, кроме нее и Исайи, никого не было, и только она одна могла услышать выстрел – видимо, когда расчесывала волосы, которые заплетала на ночь в косы. Должно быть, она же и нашла Исайю, бедная девочка. Возможно, темные пятна на юбке – это кровь. Ей бы сейчас лечь в постель и успокоиться...

Почувствовав на себе взгляд, Джейн подняла на него глаза, блестящие от слез. На щеках девушки отчетливо проступили веснушки, потому что ее обычно бледное лицо стало белым, как кружева вокруг шеи.

Да, конечно, им надо обвенчаться. К тому же у них просто нет выбора. Если он сейчас не женится, это будет воспринято как отказ от нее, и таким образом он подтвердит клевету Макартура. Кроме того, он ведь только что соврал, сказав про предварительный сговор с Джейн. Выходит, он сам себе отрезал путь к отступлению.

Сделав шаг к девушке, Саймон сказал:

– Нам надо поговорить, дорогая.

Он помог ей подняться и вывел из комнаты. Люди опять перед ними расступились, но все поглядывали на них с любопытством. Вот она, еще одна проблема. В Йорке сплетни распространяются так же быстро, как в любом английском городке. Даже еще быстрее, наверное. И разумеется, следовало иметь в виду, что у всех местных жителей имелись в Англии родственники и друзья. К тому же многие приехали сюда совсем недавно, поэтому постоянно писали письма домой, писали каждую неделю. Так что можно было не сомневаться: когда он с молодой женой появится в Англии, все уже будет знать, что случилось сегодня.

Саймон повел девушку в соседнюю комнату. Переступив порог, он невольно вздрогнул, уловив знакомые запахи табака и кожи. Здесь Исайя любил принимать друзей, здесь они пили кларет, портвейн и бренди, играли в карты, триктрак, а также в какие-то старинные игры и в домино.

Саймон хотел обсудить с Джейн сложившуюся ситуацию, но как-то само собой получилось, что они обнялись, словно стараясь утешить друг друга. Волосы Джейн покрыли его руки, и он почувствовал, что от нее пахло луговыми травами, – видимо, она добавляла их в мыло и кремы, а не только в ароматические комнатные смеси и полироль. Но как это согласуется с ее более чем скромными нарядами и сдержанными манерами? Женившись на ней, он получит ответ на этот вопрос. И конечно же, он не возражал бы, если бы от его жены исходили такие чудесные запахи. К тому же у нее... довольно приятные округлости.

Саймон еще крепче прижался к девушке, но она тут же высвободилась из его объятий и пробормотала:

– Нам нельзя этого делать. Нельзя... венчаться.

– Не вижу другого выхода.

– Но дяде Исайе уже недолго... – Она прикрыла рот ладонью. – Ах, я не это имела в виду. Просто несправедливо загонять вас в ловушку.

– Но я же не против. – Черт, как неудачно он выразился! – Видишь ли, Джейн, мне и так пора жениться. Мне двадцать пять лет, и мать пристает ко мне с этим в каждом письме.

– Конечно, ваша мать хочет, чтобы вы женились. Но женились на подходящей для вас девушке, а не на такой... – Собравшись с духом, она проговорила: – А не на той, которая прислуживала в лавке.

– Да, наверное, именно так.

– Вот видите?.. А моя мама держала лавку, и я ей помогала.

Он не знал, что Джейн прислуживала в лавке. Исайя ему об этом не говорил. Но неужели такое обстоятельство меняло дело?..

– Зато твой отец был из хорошей семьи, верно, Джейн?

– Да, он был из знатного шотландского рода, но обедневшего. А вот Тревитты – и вовсе из фермеров, разве не знаете?

– Знаю, – кивнул Саймон. Но был ли у него выбор? Похоже, что нет. – Пойми, Джейн, Исайя ведь не стыдится своего происхождения, – напротив, даже гордится тем, что сумел сам кое-чего в жизни добиться. Гордись и ты.

– Чем же мне гордиться? Я-то ничего не добилась.

Саймон вздохнул, заметив, что девушка вот-вот снова расплачется. Да, конечно, у нее горе, а он заговорил о гордости. Но что же ей сказать? Как убедить в том, что они должны обвенчаться?

– Джейн, ты должна понять, что мы все-таки обязаны пожениться, чтобы исполнить последнюю просьбу твоего дяди. Обещаю быть хорошим мужем и не сомневаюсь, что ты будешь хорошей женой.

Она подняла на него свои огромные голубые глаза:

– Что значит – хорошим?

Какого черта она цепляется к словам?!

– Я буду добрым, верным, терпеливым. А ты сама для себя определишь, что значит быть хорошей женой.

Она взглянула на него с некоторым удивлением:

– Но вы и сейчас добрый, терпеливый и верный. Верный дяде Исайе. Только стоит ли брать на себя такую ответственность, чтобы угодить дяде перед смертью? Ведь это просто его каприз, прихоть...

Саймон решительно кивнул:

– Да, стоит.

– А если он... уже умер?

– Все равно стоит. – Чтобы убедить ее, придется выложить ей всю правду. – Видимо, ты не знаешь причину дуэли.

Джейн насторожилась. Теперь она смотрела на него со страхом – словно маленький зверек, испугавшийся хищников.

– В конечном счете дуэль была из-за растраты фондов, предназначенных индейцам. Но первой причиной стали слова Макартура. Он заявил, что ты не такая, какой кажешься.

Девушка смертельно побледнела, а Саймон вновь заговорил:

– Ты уж извини, что я об этом рассказываю, но он сказал, что ты любовница Исайи и живешь у него именно на таких условиях.

– Он так сказал?! Свинья! – Джейн залилась краской.

– Совершенно с тобой согласен, но... Дело в том, что не только Макартур призадумался. Конечно, никто, кроме него, не думает о тебе так плохо. Но люди удивляются, что ты так странно себя ведешь, что отклоняешь все приглашения...

– Я в трауре!

– Даже в трауре молодая леди может посещать концерты или принимать участие в морских прогулках. Тем более после того, как положенный для траура срок уже прошел.

– А если мне просто не хочется? У вас тут что, какие-то особые правила?

Что ж, вот они и обменялись колкостями. Стараясь говорить как можно спокойнее, он продолжал:

– Поверь, люди очень удивляются. А некоторые скоро начнут переходить от удивления к скандальным заявлениям. Ты должна была знать, что здесь не принято игнорировать общество. Скажи, почему ты так поступаешь?

– Отвечать? – У нее был такой вид, будто она сидела на скамье подсудимых.

Саймон провел ладонью по лицу.

– Нет-нет, извини. Это риторический вопрос. Я просто имел в виду, что тебе следовало выходить из дома, может быть, немного флиртовать с молодыми людьми.

Она прикусила губу.

– Я могу уехать. Куда-нибудь в другое место.

– Уехать? Но ты ведь почти нищая... Нет уж, пойдем, мы должны это сделать. А о будущем поговорим потом.

Он протянул ей руку, но она отрицательно покачала головой:

– Ошибаетесь, я не нищая. Дядя Исая сделал меня своей наследницей.

Ах, наследницей? Да, конечно. Но будет ли этого достаточно для полной независимости? Если да, то, возможно, не следует принуждать ее к замужеству. В таком случае даже воля умирающего друга не имеет значения.

– Сколько он тебе оставил? – напрямик спросил Саймон. Джейн изменилась в лице. Было очевидно, что она не хочет отвечать на этот вопрос.

– Вполне достаточно для жизни. И еще я могу... чем-нибудь заняться. Например, открыть галантерейную лавку. Я прекрасно знаю это дело.

– А я должен проглотить горькую пилюлю?

Она энергично покачала головой:

– Нет-нет, но я... Я не знаю, как лучше... – Она опять прикрыла рот ладонью.

Саймон взял ее за руку и проговорил:

– Джейн, подумай о репутации Исая. Если мы сейчас не обвенчаемся, ты бросишь на него тень. Да и твоя репутация пострадает.

Она попыталась высвободить руку, но он еще крепче ее сжал.

– Подумай хорошенько, Джейн. Если мы сейчас же не выполним волю твоего дяди, ты окажешься в плачевном положении. Люди будут говорить, что я отказался на тебе жениться, потому что заявление Макартура – правда. А ведь даже хозяйке галантерейной лавки нужна хорошая репутация, верно? И вообще, ты слишком молода, чтобы заниматься коммерцией.

Тут раздался стук в дверь, и Саймон пошел открывать. У порога стоял преподобный Строн в церковном облачении и с молитвенником в руке.

– Сент-Брайд, если вы желаете выполнить волю Тревитта, пока он жив, то поторопитесь. Ему недолго осталось.

Саймон повернулся к Джейн:

– Все в твоих руках, дорогая.

По лицу девушки было видно, что ей ужасно не хочется это делать, но все же она кивнула и вышла из комнаты вместе с Саймоном.

Исая по-прежнему лежал прикрытый одеялом, и одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: жизнь уходит из него. Болдуин вопросительно посмотрел на Саймона, и тот сказал:

– Мы готовы.

Исая приоткрыл глаза, и в них блеснули слезы радости и облегчения.

Покосившись на умирающего, преподобный приступил к венчальной службе, которую, учитывая состояние Исая, предельно сократил. Саймон быстро произнес свою клятву, а Джейн начала свою очень медленно, но потом закончила на одном дыхании.

Требовалось кольцо. Саймон снял с пальца перстень – тот был слишком велик, но он решил, что для церемонии подойдет.

– Объявляю вас мужем и женой, – сказал Строн.

«Что ж, дело сделано», – подумал Саймон. И вдруг почувствовал, что на него снизошло какое-то странное умиротворение. Заметив, что Исаяя улыбнулся, он сказал себе: «Да, мы с Джейн поступили правильно».

Потом молодые супруги стали возле Исаяи на колени, и тот, снова улыбнувшись, про-
бормотал:

– Спасибо, Саймон. – Теперь голос его звучал чуть громче шепота. – Будь к ней добр. – Исаяя с трудом сделал вдох. – А ты, Джейн, будь ему хорошей женой. – У него уже не хватило сил повернуть к ней голову, но она пожала ему руку.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы он был счастлив, дядя. Все.

– Я знаю. Умница. Ты должен заботиться о ней, Саймон. Хорошо заботиться...

В следующую секунду Исаяя Тревитт закрыл глаза, и было ясно, что они уже никогда не откроются.

Саймону же почудилось, что у него тоже остановилось дыхание. Весь этот день был для него... словно бой. Возможно, бой уже заканчивался, но что ждало впереди?..

Интересно, знал ли Исаяя, что он, Саймон, мог и не выполнить его последнюю просьбу? Да, конечно, если бы Макарту его убил, он не смог бы позаботиться о Джейн. И что бы тогда с ней стало?

Глава 3

Доктор Болдуин со вздохом закрыл свой чемоданчик. Друзья и соседи Исайи начали расходиться. Саймон с Джейн расписались в брачном регистре, а затем Болдуин и Нортон расписались как свидетели.

Теперь брак был официально зарегистрирован.

Джейн опять опустилась на колени возле дяди, и Саймон заметил, что она сжала руку в кулачок, чтобы удержать на пальце его перстень. Черт возьми, где же здесь покупают обручальные кольца? Предстояли и другие хлопоты: гроб, погребение, похоронный оркестр. Как здесь все это устраивают?..

Тут послышалось чье-то покашливание, и Саймон, подняв голову, заметил Болдуина – тот, оказывается, остался в комнате.

– Я был поверенным Тревитта, – сказал доктор, приблизившись. – Завещание, должно быть, у него в столе, но у меня есть копия.

– Как я понимаю, он все оставил Джейн.

– Да, почти все. Но для Сент-Брайдов это весьма незначительная сумма.

– Я женился на ней не ради денег. – Болдуин покраснел, и Саймон поспешно добавил: – Простите, я, конечно, понимаю, что вы вовсе не это имели в виду.

– Никто не сочтет Сент-Брайда охотником за приданым, – продолжал доктор. – Но дела необходимо привести в порядок, потому что вы являетесь его душеприказчиком.

Саймон проглотил ругательство.

– Вы можете отказаться от ответственности.

– Если речь идет о собственности моей жены, я должен в этом разобраться, – заявил Саймон. – Но нельзя ли все сделать побыстрее? Я собираюсь сесть на корабль в конце октября.

– В основном дело касается уплаты долгов и оформления рискованных сделок. Есть люди, которые...

– С этим можно подождать, – перебил Саймон, потеряв терпение. – Спасибо вам за все, Болдуин.

Доктор молча кивнул и вышел из комнаты. Саймон вздохнул и посмотрел на Джейн, все еще стоящую на коленях возле покойного. По щекам ее струились слезы, капавшие на серое платье и оставлявшие на нем темные пятна. Ее горе было неподдельным. Ей уже довелось терять близких – отца, мать, сестру, – и вот теперь она потеряла дядю, которого очень любила.

«Выходит, у нее никого, кроме меня, не осталось, – думал Саймон. – Значит, теперь – моя очередь о ней заботиться. Но с чего же начать?» Услышав за спиной шаги, он обернулся. В дверях стоял мужчина в черном костюме, и Саймон почти сразу его узнал. Это был йоркский гробовщик Джон Росс.

– Примчался, как ворон на пир, – пробурчал Саймон. Он, конечно же, понимал, что несправедлив к этому человеку, но слова вырвались у него помимо его воли.

Росс в смущении опустил глаза и, поклонившись, сказал:

– Смерть мистера Тревитта – большая утрата для всех нас, сэр. Я почту за честь позаботиться о нем.

– Спасибо. Я понятия не имею...

– Предоставьте все мне, сэр. Только обсудим кое-какие детали... – Гробовщик раскрыл тетрадь в кожаном переплете и стал задавать вопросы.

Они сошлись на том, что на ночь покойного оставят дома, в гробу, как здесь было принято, а потом, уже после панихиды, гроб отнесут на кладбище.

– Некоторые предпочитают, чтобы их хоронили на своей земле...

– Нет, на кладбище.

Саймона ужасно раздражал этот разговор, но он прекрасно понимал, что без него не обойтись.

Росс наконец-то закрыл свою тетрадь.

– А теперь, сэр... Могу я попросить вас ненадолго увести леди?

Саймон подошел к Джейн и поднял ее на ноги.

– Пойдем, дорогая. Мистер Росс позаботится о дяде.

Она с ненавистью взглянула на гробовщика, но все же подчинилась.

Выводя жену из комнаты, Саймон спросил:

– Может, хочешь, чтобы кто-нибудь с тобой посидел? Позвать горничную? – «Потому что я понятия не имею, что сейчас с тобой делать», – добавил он мысленно.

Джейн молча покачала головой. Саймон в растерянности осмотрелся и вдруг заметил приближавшуюся к ним старушку, миссис Ганн.

– Вам обоим лучше бы пойти на кухню и поесть, – сказала кухарка. – Идемте.

Охотно согласившись, Саймон повел жену в кухню. У него совершенно не было аппетита, но перед дуэлью он не позавтракал, а впереди был долгий и трудный день. Да и Джейн, конечно же, ничего еще не ела.

Когда они вышли из дома и пошли по переходу в кухню, Саймону стало лучше, возможно, от холодного воздуха. Казалось, что и Джейн почувствовала то же самое, потому что она убрала руку с его локтя.

Возле кухонной двери она сняла с пальца перстень.

– Ты должен взять его обратно.

– Нет...

– Но он слишком велик. Боюсь, я его потеряю.

Взяв у нее перстень, Саймон заявил:

– Я найду другое кольцо. Гораздо лучше.

Они вошли в кухню, и сидевшие за разделочным столом молоденькие девушки уставились на них в испуге.

– Что ж, – проговорила миссис Ганн, – хозяин умер, но жизнь-то продолжается. Сейчас приготовим завтрак, а потом, девочки, у вас будет много работы. Я привела внучек, они помогут убираться и печь пироги.

Джейн сняла со стены фартук.

– Я тоже помогу. Но сначала надо накормить мистера Сент-Брайда.

Саймону действительно следовало подкрепиться, но он терпеть не мог женскую суету, поэтому, попятившись, пробормотал:

– Знаете, у меня дела. Только сейчас вспомнил.

– Не глупи. – Джейн отрезала два ломтя хлеба, намазала их маслом и положила на каждый из них по куску сыра. Протянув один из бутербродов мужу, сказала: – Вот, возьми.

– Вижу, мне предстоит жить под кошачьей лапкой, – пробормотал Саймон с усмешкой.

Джейн покраснела, но не от удовольствия.

– Если это означает, что я не позволю мужу голодать, то да, так и есть.

Она посмотрела прямо ему в глаза, и Саймону вдруг захотелось ее спросить: «Кто ты, Джейн Оттерберн? Впрочем, нет, теперь – Джейн Сент-Брайд».

Он направился к двери. У порога остановился, обернулся. Джейн уже надела фартук и теперь, закинув за спину волосы, перетягивала их на затылке каким-то шнурком.

– Не забудь поесть, – сказал Саймон и вышел.

«А почему я говорю ей, что она должна делать? – подумал он уже за дверью. – Имею ли я на это право? Да, как ни странно, имею. И всего лишь из-за каких-то нескольких росписей в регистре».

Ему не хотелось возвращаться в дом, хотелось покоя, хотелось собраться с мыслями... Немного помедлив, он отправился прогуляться по саду. Исая был не большим любителем садоводства, а Джейн если и была, то не слишком преуспела в этом деле. Садовник же Сол Прити в основном интересовался овощами, а в это время года от них уже почти ничего не осталось.

«Так что же делать?.. – спрашивал себя Саймон, шагая по дорожке. – Что теперь делать с дуэлью?» Да, теперь ему непременно надо выжить. Ради Джейн.

Черт побери, а ведь вчера он думал совсем о другом – о том, что взять с собой в Англию. Сегодня же у него – мертвый друг, которого надо похоронить, жена, о которой надо заботиться, и дуэль, после которой надо обязательно выжить. Кроме того, он должен раздобыть где-нибудь обручальное кольцо.

– Да, кольцо... Вот этим, возможно, и следует заняться в первую очередь, – пробормотал Саймон, направляясь к дому.

Уже в холле он вдруг обнаружил, что по-прежнему держит в руке бутерброд, который дала ему Джейн. И тут он почувствовал, что ужасно голоден.

Переступив порог гостиной, Саймон съел свой завтрак с величайшим аппетитом. Только совершенно бесчувственный человек может получать удовольствие от еды в такое время. Но он ничего не мог с собой поделаться – было необыкновенно вкусно! К счастью, Исая держал в гостиной графины с вином, и Саймон, налив себе стакан кларета, поднял тост за своего покойного друга.

– Надеюсь, рай – это место счастливой охоты. Пусть там у тебя будут веселые собеседники и...

– Я не помешал?

Саймон вздрогнул от неожиданности и, повернувшись к двери, в смущении пробормотал:

– Хэл, неужели ты?

У порога стоял высокий черноволосый человек с пустым левым рукавом, приколотым к груди, и это действительно был – невероятно! – майор Хэл Боумонт.

– Да, я. Собственной персоной. И, судя по всему, очень вовремя.

Саймон рассмеялся и, приблизившись к другу, пожал ему руку.

– Господи, Хэл, у меня нет слов! Как? Зачем? Какого черта? Что тебе здесь опять понадобилось? – Он посмотрел на свой стакан. – Хочешь кларета?

– На завтрак? – ухмыльнулся Хэл. И уже с серьезным видом добавил: – Прими мои соболезнования.

Саймон тихо вздохнул.

– Да, Исая Тревитт... Хороший был человек и превосходный друг. Но вы ведь не были знакомы, верно?

– Нет, не были. Но ты о нем рассказывал. Называл его «повесой».

Саймон едва заметно улыбнулся. Когда-то они с Хэлом были участниками школьного оркестра, и мальчики называли себя «Компанией повес». В те годы они были лучшими друзьями, а потом рассеялись по всему свету. Некоторые из них погибли на войне – Роджер Меррихью, Аллан Ингрэм, Дар Дебнем. Последняя потеря оказалась самой болезненной, потому что Дар был близким другом Саймона.

– Пожалуй, я все же выпью кларета, – сказал Хэл. Когда Саймон протянул ему стакан, он спросил: – Что случилось?

– Нечаянно застрелился. Когда-то перенес малярию, и, как я понимаю, у него дрожали руки. – Саймон снова вздохнул. – Что ж, Хэл, что бы ни привело тебя сюда, я очень рад встрече. Может, позавтракаешь?

– Спасибо, я уже завтракал. У меня номер в гостинице. Я прибыл вчера вечером и собирался пойти к тебе вечером. Но вот услышал новость... Могу я чем-нибудь помочь?

Эти простые слова друга тотчас же принесли облегчение.

– Поддержишь меня, Хэл. Слушай, давай я угощу тебя чаем. Да и мне надо выпить чего-нибудь, кроме вина. Я уверен, на кухне нам это обеспечат.

Росс привел с собой помощников, и в холле сидел парень, ожидавший каких-либо поручений. Саймон послал его на кухню, а затем друзья сели у камина.

– Так зачем ты сюда пожаловал? Что дома? Ох, Хэл, у меня голова идет кругом!

– Вот что значит пить с утра. Я прибыл, потому что согласился сопровождать одного молокососа к месту его службы в Кингстоне.

– Но почему? Неужели только из-за этого переплыл океан?

Хэл улыбнулся, но улыбка его очень походила на гримасу.

– Меня это путешествие вполне устраивало. Кроме того, хотелось посмотреть, чем ты тут занимаешься. Ведь прошло четыре года, Саймон.

– Да, время быстро летит. Но возможно, ты зря отправился в плавание. Я уже заказал место на корабле. И у меня все хорошо. Рассказывай свои новости. Люси родила?

– Сына.

– О, замечательно! А как Френсис?

– Еще не женился. Послушай, Саймон...

– Я все думал: как странно, что «повесы» женятся. А теперь вот...

– Саймон, я хотел тебе сказать...

– Что, еще одна трагедия?

– Дело в том, что Дар жив.

Саймон молча уставился на друга; ему казалось, он ослышался.

– Да, он жив, – продолжал Хэл. – Был тяжело ранен при Ватерлоо, и ему давали опиум – к сожалению, слишком много и слишком долго. В результате Дар стал рабом наркотика. Но он все-таки жив.

– Хвала Господу! – воскликнул Саймон. – Но как же... Что с ним сейчас? Он оправился от ранения?

– Я уехал вскоре после того, как его обнаружили. Он был еще очень слаб. Но раны его зажили. И, как я понял, есть надежда, что он избавится от пристрастия к наркотику. Если опиум дают при болях, то у человека, когда боль проходит, больше шансов на избавление от зависимости, чем у того, кто принимал его для душевного равновесия.

Пристрастие к опиуму показалось Саймону несущественной деталью.

– Спасибо! Спасибо за хорошие новости!

В этот момент дверь открылась и в комнату вошла Джейн с подносом. Саймон поспешно поднялся, чтобы ей помочь. Он заметил, что она сняла фартук и заменила шнурок в волосах на ленту. И все-таки она выглядела как служанка. Он еще не сказал Хэлу, что женился, и теперь ему было немного неловко. Как будто он ее стыдился. И кольца у нее не было.

Поставив поднос на стол, Саймон повернулся к жене:

– Дорогая, позволь представить тебе моего друга, который появился, как джинн из бутылки, появился в самый нужный момент. Майор Хэл Боумонт. Хэл, это моя жена Джейн.

Хэл встал, и они оба замерли: майор – от неожиданности, Джейн – при виде пустого рукава.

Но она быстро овладела собой и сделала реверанс.

– Добро пожаловать, майор. Для Саймона большое счастье встретить сейчас друга.

– Рад познакомиться, миссис Сент-Брайд, – проговорил Хэл с улыбкой.

– Обстоятельства заставили нас обвенчаться сегодня утром, хотя мы не предполагали, что это произойдет так быстро, – пояснил Саймон; ему показалось, что друг отметил отсутствие кольца на пальце Джейн.

– Тогда я тут лишний, – сказал Хэл.

– Нет-нет! – воскликнули Саймон и Джейн в один голос и нервно рассмеялись.

– Джейн, Хэл принес прекрасную новость. Помнишь, я тебе рассказывал про лорда Дариуса Дебнема, про которого говорили, что он убит при Ватерлоо? Оказывается, он жив.

– О, как замечательно! И здоров?

– К сожалению, Дар пристрастился к опиуму, но есть надежда на полное выздоровление. К тому времени как мы приедем домой, он, наверное, будет в полном порядке. – Саймон повернулся к другу: – Он сейчас в Лонг-Чарте?

Хэл пожал плечами:

– Во всяком случае, он туда направлялся.

Саймон ненадолго задумался, потом сказал:

– Полагаю, нам имеет смысл сойти с корабля в Плимуте или Портсмуте и навестить его.

– Думаю, ты прав, – кивнул майор.

Джейн разлила чай и подала чашки мужчинам.

– Саймон, я счастлива, что твой друг жив. Мы обязательно его навестим. А сейчас мне надо возвращаться на кухню. – Взглянув на гостя, она спросила: – Вы ведь присоединитесь к нам за обедом?

Хэл принял приглашение, и Джейн, кивнув мужу, вышла из комнаты. Проводив ее взглядом, майор сказал:

– Поздравляю. Она великолепна.

Саймон прекрасно понимал, что друг непременно должен был сказать что-то в этом роде. Но слова Хэла прозвучали совершенно искренне, и теперь он уже не сомневался в том, что поступил правильно, женившись на Джейн.

– А теперь, Хэл, расскажи побольше о воскрешении Дара.

Несколько минут спустя они заговорили о делах Саймона и о той ситуации, в которой он оказался. Майор одобрил действия друга, решившего разоблачить растратчика, но все же заметил:

– Мне показалось, тебя не очень-то любят в Йорке.

Саймон пожал плечами:

– Что ж, возможно. Но почти все относятся ко мне с уважением.

– Еще бы, – усмехнулся Хэл. – Они ведь прекрасно знают, кто ты такой.

– Как глупо... – пробормотал Саймон. – Но ты прав. Имена Брайдсуэлл и Марлоу производят впечатление на тех, кто придает значение таким деталям, и я этим пользуюсь. – Он подлил другу чаю. – Но если что-то пойдет не так, то Джейн нельзя будет здесь оставаться. Придется увезти ее в Англию.

– Пойдет не так? Что это значит?

– Мне предстоит повторная встреча с Макатуром.

– Но если он уже выстрелил, то при строгом соблюдении кодекса выстрел предоставляется тебе.

– Я не смогу этого потребовать. Чудо, что я сам не выстрелил. Так ты позаботишься о Джейн, если со мной что-нибудь случится?

– Да, конечно. – Майор кивнул не задумываясь. – Но куда же ее отвезти?

– В Брайдсуэлл, разумеется.

– А она захочет?

– Ей больше некуда ехать. У нее нет близких родственников. Есть, правда, брат Исайи, но он мясник, и такая жизнь вряд ли подойдет моей вдове. Я понимаю, что это не совсем удобно...

– Еще мягко сказано.

– Но я должен быть уверен, что она окажется в безопасности.

– Я о ней позабочусь.

Саймон понял, что друг оставляет за собой право на собственное мнение, и не стал возражать.

– Спасибо, Хэл. Есть кое-что еще...

– Еще одна женщина?

Саймон рассмеялся:

– Нет-нет, совсем другое. Мои бумаги. – Он объяснил, какие именно бумаги и что надо с ними сделать. – Видишь ли, не исключено, что Макартур попытается уничтожить и эти свидетельства.

– Тогда я сделаю так, чтобы они попали в надежные руки. Стивен знает, кому их передать.

Саймон кивнул: он следил за ростом политической карьеры их друга сэра Стивена Болла. Отставив чашку, Хэл спросил:

– Итак, что надо делать прямо сейчас? Со мной двое слуг. Надежные парни, бывшие солдаты. Похоже, лишние руки нам не помешают.

Саймон задумался... Интересно, что означали слова «лишние руки»? Что Хэл имел в виду?

– Во-первых, мне надо купить жене обручальное кольцо. Но я не хочу оставлять дом без защиты.

– Тогда я останусь, – сказал Хэл. – Может, я мог бы сделать в это время что-нибудь полезное?

Саймон окинул взглядом комнату.

– Ты не мог бы просмотреть ящики стола? Возможно, там хранится что-то важное.

– Да, хорошо. – Хэл встал и подошел к картине, висевшей над камином. – Очень неплохо. Это твоя жена, но помоложе, да? С матерью?

– Да, – кивнул Саймон. Он давно привык к этой картине, но теперь посмотрел на нее другими глазами. Она была написана года три назад, что в возрасте Джейн большой срок.

На картине у нее грудь меньше, зато щеки круглее. На ней светлое платье скромного девичьего фасона, но изобилие лент и кружев делает его совершенно не похожим на то, которое она носит сейчас. Прическа же, как и сегодня, – волосы просто перетянуты лентой на затылке.

Она стоит возле кресла, в котором сидит Марта Оттерберн во вдовьем наряде. Марта очень похожа на Исайю: в лице такая же сила и доброта, но и жесткость, которой у Исайи никогда не было. По общим отзывам, Марта Оттерберн была весьма светская женщина. Овдовев, она отказалась ехать в Канаду, куда Исайя ее настойчиво приглашал, обещая всевозможные блага. Марта ответила, что ее дочь – настоящая леди и что не для того она ее растила, чтобы «девочка жила в лесу среди дикарей».

Между матерью и дочерью не очень заметно сходство; Джейн гораздо больше похожа на отца, шотландца. Она привезла с собой также и портрет Арчибальда Оттерберна – он висит у нее в спальне, и на картине видно, что отец с дочерью похожи и лицом, и цветом волос.

– Рисовала кузина Джейн. По-моему, ее звали Нэн, – сказал Саймон. – Она была сирота, и Марта ее удочерила в нежном возрасте. По пути сюда она заболела и умерла. Очень грустная история... Они с Джейн вместе выросли и были как сестры.

– У нее был несомненный талант.

– Да, конечно. А ведь она писала этот портрет в пятнадцать лет.

Хэл отвернулся от картины.

– Хватит думать о ненасытной смерти, Саймон. Иди. А я тем временем пороюсь в ящиках. Но конечно же, никого сюда не впущу.

– Спасибо, – кивнул Саймон. Крепко пожав руку друга, он вышел из комнаты.

Покинув дом, Саймон сразу же направился к Кленгенбумеру, единственному йоркскому ювелиру. Осанистый хозяин магазина пояснил:

– Обручальные кольца обычно делают на заказ, сэр, или привозят из Монреаля. К завтрашнему дню я мог бы...

– Моей жене нужно кольцо до начала похорон.

– Понимаю, сэр. Минуточку.

Кленгенбумер вышел в заднюю комнату и вернулся с небольшим подносиком, на котором лежали шесть колец.

– Иногда у людей возникает необходимость продать их, – сказал ювелир.

– Отдают в залог обручальные кольца? – пробормотал Саймон с отвращением.

Ювелир пожал плечами:

– Иногда приходится. Может, возьмете на время, пока я не найду что-нибудь получше, сэр?

Какое-то время Саймон рассматривал кольца, лежавшие на подносике. Он собирался купить широкое и массивное кольцо, а эти все были слишком тонкие, к тому же потертые. Только оказавшись в крайней нужде, на грани отчаяния, женщина расстанется с обручальным кольцом. И только на грани отчаяния мужчина продаст кольцо покойной жены. Но даже такое кольцо лучше, чем ничего, поэтому Саймон выбрал то, которое казалось подходящим по размеру.

Заплатив за кольцо, Саймон направился к выходу, но потом решил немного задержаться у ювелира, чтобы посмотреть выставленные в витрине украшения. Он никогда не видел на Джейн ничего, кроме простеньких сережек и золотого крестика на шее, поэтому решил, что надо подарить ей что-нибудь. К сожалению, у него осталось слишком мало денег: он почти все потратил на сбор доказательств и на помощь индейцам.

Понадеявшись, что у Хэла деньги имеются, он приобрел красивую серебряную брошь с аметистами и жемчужные серьги. Украшения довольно скромные, но такой день, как сегодня, не очень-то подходил для роскошных подарков.

Возвращаясь в Тревитт-Хаус, Саймон думал о жене. Конечно же, Джейн нравилась ему, и характер у нее был замечательный, однако ее происхождение... Его родители, друзья и знакомые ни за что не поймут его, что бы он им ни говорил, как бы ни объяснял свой выбор. И все же родителям придется смириться, потому что они с Джейн уже муж и жена.

Да, Джейн стала его женой, и только смерть их разлучит. Предполагается также, что они должны делить постель, чтобы произвести на свет детей. В конце концов, в этом и состоит цель брака. Но как же они с Джейн... Ох, лучше пока не думать об этом. От таких мыслей ужасно болит голова – словно ее железным обручем сжимают.

В кухне ему стало еще хуже. Жара, духота, множество женщин, навязчивый запах пирогов... Этих пирогов, бисквитов и тортов было столько, что ими, наверное, можно было накормить целую армию голодающих.

Джейн выкладывала на проволочную решетку горячие кексы, и по лицу ее стекали струйки пота – было очевидно, что она ужасно устала от работы на кухне.

«А ведь я должен заботиться о ней», – подумал Саймон. Дождавшись, когда она положит на решетку последний кекс, он сказал:

– Джейн, пойдем со мной. – Обуреваемый неуместными мыслями, он сказал это довольно резко и заметил, что она насторожилась. Заставив себя улыбнуться, Саймон тут же добавил: – Дорогая, тебе надо привести себя в порядок и посидеть возле дяди.

Она вздохнула с облегчением:

– Да, конечно, пойдем.

Неужели Джейн подумала, что он собрался затащить ее в супружескую постель?

Она сняла фартук, затем накинула на плечи плащ, и он вывел ее из кухни. Щеки у нее покраснелись, волосы, несмотря на стягивающую их ленту, растрепались, и пахло от нее сладкими булочками и кексами – так замечательно пахло, что Саймону вдруг ужасно захотелось лизнуть ее в щечку.

Он достал из кармана кольцо.

– Оно не такое красивое, как хотелось бы, но если подходит...

Она посмотрела на свои ладони и сдула с них крошки и муку.

– Надо сначала помыть руки.

– Все-таки давай померяем, проверим, подходит ли... – Он взял ее за руку и надел ей на палец кольцо, как и во время венчания. Немного помолчав, пробормотал: – Боюсь, великовато.

Джейн потрогала кольцо, подвигала его на пальце.

– Ничего страшного. Подложу тесемку, и оно сядет плотно. И вообще я растолстею, когда съем все эти поминальные пироги.

Они обменялись улыбками, и это было замечательно. Ни на йоту не отрицая общее для обоих горе, они подтвердили вселенскую истину: жизнь продолжается.

– Джейн, у нас довольно необычная ситуация, но мы должны делать вид, что все идет по плану, а Исаяя просто нас поторопил.

– Я тоже так считаю.

Саймон заглянул жене в глаза и тихо проговорил:

– Поверь, я действительно не жалею, что женился на тебе. Я восхищаюсь тобой.

Она не расстроилась, не засмеялась, скорее удивилась и вроде бы даже немного испугалась. Неужели опять подумала о постели?

– Джейн, не думай, что я хочу на тебя наброситься. – Чертовски неудобная тема для обсуждения с невинной девушкой. – Я хочу сказать, что нам не обязательно спать в одной постели. Некоторое время – не обязательно.

Брови ее взлетели.

– Но ведь люди подумают, что это странно, разве не так?

– А как они узнают?

– Два набора постельного белья в стирке. И по-прежнему заняты две комнаты.

Саймон хотел сказать, что никому до этого нет дела, но он прекрасно знал: о таких вещах всегда говорят.

– Видишь ли, Джейн, многие супружеские пары пользуются отдельными спальнями.

– Разве? Но уж конечно не в разных частях дома.

Что она говорит? Что она хочет спать с ним в одной постели?

Саймон молчал, и Джейн добавила:

– Но сегодня никто не удивится, если мы будем спать в своих комнатах. – Она сказала это так спокойно, что Саймон задался вопросом: а знает ли его жена что-нибудь об интимных сторонах брака?

Впрочем, он понимал, что знает. Более того, он чувствовал, что она знает об этом даже больше, чем многие другие девушки в ее возрасте. Вспомнив, какое утешение им принесли объятия, Саймон привлек жену к себе. Джейн вздрогнула, полагая, что он хочет ее поцеловать, но потом успокоилась и расслабилась.

Саймон хотел утешить ее, но утешился и сам. С ней было очень приятно, и от нее чудесно пахло кексами.

Прижавшись щекой к щеке жены, Саймон думал о том, что со временем супружеская постель станет естественной и желанной для них обоих – во всяком случае, ему очень хотелось верить, что так и будет.

Глава 4

Прильнув к груди мужа, миссис Сент-Брайд думала о том, что ей следовало бы быть поосторожнее со своими чувствами и желаниями.

Ах, сколько ночей она мечтала о том, чтобы Саймон ее обнял! Даже мечтала стать его невестой – невестой лучшего из мужчин.

Она считала его безупречно красивым, к тому же он всегда был добр, вежлив, улыбчив. И ей так часто приходилось сдерживать себя – хотелось протянуть руку и прикоснуться к его густым черным волосам, сверкающим при ярком свете.

Считается, что жене можно это сделать. Да, конечно, но только в том случае, если она любимая и желанная. Саймон же не хотел на ней жениться, и в этом не было ничего удивительного. А она не хотела выходить за него замуж. Не хотела, потому что он возненавидит ее, если узнает о ней правду.

Господи, что же делать?

Для начала – проявлять осмотрительность.

Миссис Сент-Брайд тотчас же отстранилась от Саймона.

Он заглянул ей в глаза, и на губах его промелькнула улыбка.

– Дорогая, устала?

Она кивнула и откинула за спину волосы.

– Да, немного. Наверное, я ужасно растрепанная.

– Но смотреть на тебя очень приятно. У тебя чудесные волосы.

Почему-то эти его слова показались ей угрозой. Джейн быстро развернулась и зашагала к дому. Ей не хотелось, чтобы Саймон шел вместе с ней в спальню, поэтому в холле она сказала:

– Я уверена, что могу самостоятельно дойти до своей комнаты.

– Хочешь прилечь? Что ж, очень правильно.

– Нет-нет, я скоро вернусь.

Поднимаясь по лестнице, Джейн говорила себе: «Пока что все идет хорошо, не беспокойся...» Но, оказавшись в комнате, она прижалась спиной к двери и до боли прикусила губу, чтобы не расплакаться. Ей вспомнилось, как она нашла дядю Исаяю, лежавшего на полу. Он держался за живот, и между его пальцев струилась кровь... Но она не закричала тогда, сдержалась. Не будет кричать и сейчас. Жизнь должна продолжаться – какой бы ужасной эта жизнь ни была.

Джейн подошла к туалетному столику и, увидев себя в зеркале, невольно застонала. Волосы ее растрепались, платье было в грязи и в муке, и она сейчас походила на бродяжку.

Одна из Хаскеттов.

Джейн в отчаянии принялась расчесывать волосы. При этом она старалась не смотреть в зеркало. «Смотри куда угодно, только не в зеркало», – говорила она себе. Но собственное отражение по-прежнему стояло у нее перед глазами. Неужели она выглядит так в день своей свадьбы?!

Множество раз воображала она свою свадьбу. И ей представлялось, что будет лето и что она пойдет в церковь в окружении родственников и подруг. Представлялись цветы, красивый жених...

Она тихонько вздохнула. Что ж, красивый жених у нее есть, вернее – уже муж. Но он думает, что женился на Джейн Оттерберн, а это не так. Потому что она – самозванка. Она Нэн Оттерберн, внебрачная дочь Арчибальда Оттерберна, которую его вдова из милости взяла к себе и воспитала вместе с Джейн.

Она снова посмотрела в зеркало и увидела опухшие от слез глаза. Она действительно любила Исаяю Тревитта, хоть он и не был ей дядей. Только это и вынудило ее исполнить его последнюю волю.

Но что же ей теперь делать? Ведь она вовсе не... А впрочем, почему же? Если она вышла замуж за Саймона как Джейн Оттерберн, дочь Арчибальда Оттерберна, покойного школьного учителя, значит, все правда, не так ли?

Увы, правдой было лишь то, что она и в самом деле являлась дочерью покойного учителя – дочерью Арчибальда Оттерберна... и Тилли Хаскетт. И первые девять лет жизни она прожила как Дженси Хаскетт из клана бродяг и попрошаек, иногда нанимавшихся на временные работы. В Камберленде словечком «Хаскетт» именовали всех мелких жуликов и греховодников. Ей часто приходилось слышать: «Он скверный, как Хаскетт».

У них был какой-то дом – ветхая ферма на открытом всем ветрам обрыве Каррок-Фелл. Но если кто-нибудь и мог выжить на этой земле, то только не Хаскетты. Так что с весны до осени они бродяжничали, как цыгане, где могли – работали, где смели – попрошайничали, и везде, где удавалось, воровали.

Их женщины не были шлюхами, но они не находили ничего странного в том, что Дженси родилась от кого-то чужого. Дженси понятия не имела, кто ее отец, но когда Хаскетты приехали на ежегодную конную ярмарку в Карлайле, ее дерзкая матушка все ей рассказала.

– Арчибальд Оттерберн, моя девочка, – настоящий джентльмен. Школьный учитель, никак не меньше, здесь, в Карлайле. Я слышала, он умер, так что мы пойдем к его вдове.

– Зачем, мама?

– Потому что ты – копия своего папы. Подожди, скоро увидишь. По крайней мере, здесь есть пожива.

Позже Дженси вспомнит это «по крайней мере».

На следующий день Тилли повела дочь по Эбби-стрит, тихой и ухоженной улице, из тех, которые Хаскетты обычно обходили стороной. Дженси с любопытством поглядывала по сторонам и с нетерпением ждала «поживы» или денег для семьи. Она уже зарабатывала монетки на рынках, потому что выделялась среди Хаскеттов молочно-белой кожей и золотистыми волосами.

Люди часто откликались на ее «Подайте пенни, добрый сэръ», иногда задавали вопросы:

– Кто твои родители, малышка?

– Ты всегда живешь с этими людьми?

– Тебе хорошо живется?

– Тебе не нужна помощь?

Такие вопросы ее забавляли, но Тилли объяснила:

– Люди думают, что тебя, может быть, украли. Хотя не знаю зачем, мой птенчик. Ведь завести детей – это так просто.

Хаскетты не похищали детей, но они воровали многое другое. К тому же некоторые из них, по мнению Дженси, вели себя довольно странно. Например – ее дядя Лемюел Хаскетт. Он вдруг стал как-то очень уж странно обращаться с племянницей. Любил сажать ее себе на колени, хотя она для этого была уже слишком велика. И просил поцеловать его в губы. Тилли ее предупредила, чтобы не оставалась с дядей наедине. Иногда Дженси казалось, что именно из-за дяди мать привела ее в дом Марты Тревитт.

Но эти мысли пришли к ней позже, а в тот сентябрьский день она воспринимала эту прогулку как развлечение. Вместе с матерью Дженси подошла к зеленой двери небольшого домика и приготовилась попрошайничать, чтобы заработать несколько пенни.

Но все вышло совсем не так, как она ожидала. Когда строгая женщина в черном платье открыла им дверь, Тилли сказала:

– Я пришла поговорить с вами о своей дочери, миледи.

Женщина в черном посмотрела на Дженси без всякого выражения, но той почему-то вдруг захотелось спрятаться за спину матери. Однако их впустили в дом, в узкий коридор, где пахло просто ужасно.

Дженси были знакомы запахи, связанные с чистотой – уксус, камфара, лаванда и воск, – но в тот день они ударили ей в нос так, что она поморщилась. И еще она очень боялась что-нибудь испортить. Полированные полы были слишком чистыми, чтобы по ним ходить, тем более в ботинках, которые казались ей необыкновенно тяжелыми, потому что она привыкла бегать босиком.

Марта Оттерберн слушала молча. Слушала, то и дело поглядывая на Дженси, но вопросов не задавала. А потом в прихожую вышла девочка ее возраста. У Тилли имелось маленькое зеркальце, и Дженси, не раз в него смотревшаяся, знала, как она выглядит. Поэтому она очень удивилась, увидев девочку в красивом белом платье с черным поясом и черной лентой в волосах. Эта девочка была очень на нее похожа и вполне могла бы быть ее сестрой.

– Что случилось, мама? – спросила маленькая незнакомка.

– Джейн, дорогая, иди обратно на кухню.

Джейн в изумлении таращилась на Дженси; было ясно, что она тоже заметила это поразительное сходство.

– Иди же, Джейн, – сказала женщина в черном, и девочка подчинилась.

– Так вот, – продолжала Тилли, – теперь вы сами видите. Наша семья часто бывает в Карлайле, и я боюсь, люди могут заметить, как моя девочка похожа на вашего мужа и дочку. Просто копия, верно? Они обе – копия. – Она умолкла и вопросительно посмотрела на хозяйку.

Дженси же почувствовала себя так, как будто судебный пристав расспрашивал ее родственников о какой-нибудь краже. Ей ужасно хотелось куда-нибудь спрятаться, лучше всего убежать.

Марта тяжело вздохнула и проговорила.

– Если бы мой муж об этом знал, он бы уже давно забрал ребенка к себе. Оставьте ее у меня. С ней здесь будут обращаться как с моей дочерью. Но у меня условие: в дальнейшем она не должна встречаться ни с вами, ни с кем-либо из вашей семьи.

Дженси еще не все поняла, а мать уже повернулась к ней и сказала:

– Значит так. Это отличное предложение, птенчик, тебе повезло. – Она поцеловала дочь и подмигнула ей, что обычно означало: Хаскетты будут гордиться тем, что так ловко провернули такое выгодное дельце. – Все будет хорошо, птенчик, не беспокойся.

Потом Дженси осталась наедине с суровой женщиной в черном, и та сказала:

– Первым делом – мыться.

Теперь она с содроганием вспоминала, какая в те годы была вшивая. Ее волосы просто кишели вшами, и Марта их коротко остригла, пообещав, что они скоро отрастут и станут красивее, чем прежде. Дженси полагала, что при этом плакала, но не помнила, как ее стригли. Помнила только, что несколько недель плакала из-за того, что ужасно скучала по шумному и бестолковому семейству Хаскеттов; она мечтала о том, чтобы мама поскорее пришла и забрала ее.

В этом доме ей даже имя изменили.

– Мне не очень-то нравится твое имя, – сказала Марта. – Теперь ты будешь Нэн, понятно? И забудь о Хаскеттах, малышка. Никогда о них не упоминай. Когда ты подрастешь, мы всем скажем, что ты родственница мистера Оттерберна. Из Аргайла. Это довольно дикое место, чем и объясняются некоторые твои недостатки. Но если тебя начнут расспрашивать, то постарайся отвечать туманно. Говори, что жила в разных местах, у разных дальних родственников. Будем молиться, чтобы правда не вышла наружу. Хаскетты!.. – с содроганием добавила Марта. – Не так-то приятно было узнать, что Арчибалд Оттерберн с кем-то согрешил, но чтобы с женщиной из семейства Хаскеттов...

Господи, что подумает Саймон Сент-Брайд, если когда-нибудь раскроется, что он женился на одной из Хаскеттов?!

Она должна сказать ему правду, пока не поздно.

Но тихий голосок в душе, так похожий на голос матери, говорил, что нельзя этого делать.

«Сейчас не время что-то предпринимать, птенчик, верно? Сейчас надо оплакивать доброго человека Исайю Тревитта и достойно проводить его в могилу».

Правильно это или нет, но ничего другого ей не оставалось.

И конечно же, следовало переодеться, надеть чистое платье. Она привезла с собой несколько платьев, второпях перекрашенных в черный цвет; после путешествия на корабле они имели убогий вид. Она не привыкла к услугам служанок, поэтому все ее платья были такого фасона, чтобы надевать без посторонней помощи. А вместо корсета она носила лиф.

Однако у нее оставалось одно хорошее черное платье, сшитое специально к похоронам Марты. Она его несколько раз надевала, когда ходила в церковь, а потом перестала носить, потому что оно стало тесновато в груди и потому что не было особой необходимости надевать именно черное. Но ради Исайи она решила надеть глубокий траур, так что оставалось надеяться, что платье на нее налезет.

Она вынула его из комода и несколько раз встряхнула. К счастью, платье было очень простого фасона, с поясом, протянутым по талии, а мягкий лиф позволял посильнее сдавить грудь. Надев платье, она посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна. Настоящее траурное одеяние.

Затем расчесала густые волнистые волосы и заколола их на затылке. После этого надела черный капор с траурными оборками, и он полностью скрыл ее чудесные локоны.

Теперь она снова превратилась в Джейн Сент-Брайд, пребывавшую в глубокой печали.

Саймон смотрел вслед жене, но тут Росс сказал, что уже все готово, и он неохотно вошел в комнату, затененную темными шторами. Посередине комнаты, на черном покрывале, стоял гроб с открытой крышкой. Саймон подошел к нему поближе; ему все еще не верилось, что Исайя умер.

Возможно, помощники гробовщика напудрили ему щеки или еще что-то с ними сделали, но Исайя выглядел почти так же, как вчера утром, когда Саймон в последний раз видел его живым. Но он, безусловно, был мертв, душа из него ушла – надо надеяться, в такие места, где Исайя снова был молод и здоров.

Росс стоял рядом, и Саймон, повернувшись к нему, сказал:

– Отлично. Благодарю вас.

– Вам нужна траурная повязка, сэр. – Гробовщик позвал своего помощника, и тот повязал Саймону на рукав черную ленту. – Я еще надену ленту вам на шляпу, – сказал Росс перед уходом.

Несколько секунд спустя Саймон остался наедине с покойником.

– Эта свадьба – твоих рук дело, старый плут, так что будешь нашим ангелом-хранителем, – пробормотал он, не удержавшись от улыбки. – Хотя по виду ты нисколько не похож на ангела.

Саймон попытался молиться, но тут же решил, что вряд ли Исайе требовались его молитвы. Вместо этого он стал думать о возвращении домой. Место на судне он уже заказал, но теперь следовало подумать о том, что взять с собой. Интересно, много ли вещей у Джейн? И что из вещей Исайи она захочет взять? Ему не хотелось брать с собой слишком много, но если она захочет...

Услышав шаги, Саймон обернулся. В комнату вошла Джейн. И сейчас она совершенно не походила на ту Джейн, которую он видел совсем недавно, на ту, которую привык видеть. Эта была очень рассудительная, строгая, серьезная.

Он не помнил, чтобы видел на ней это черное платье с длинными рукавами. И черный головной убор, похожий на капор монашки. И все же, несмотря на покрасневшие от слез глаза и побледневшее личико, она была прелестна. Эти небесно-голубые глаза, эти чувственные розовые губки...

Саймон невольно залюбовался своей женой, потом вдруг нахмурился. Лучше бы она снова надела свое обычное платье. А еще лучше – какое-нибудь модное. Если она наденет желтое или зеленое платье с оборками и кокетливую шляпку, то станет совсем другой – станет просто красивой молодой женщиной. А он знал, как обращаться с красивыми молодыми женщинами.

Она подошла к гробу и склонила голову.

– Мне остаться? Или хочешь побыть одна? – спросил Саймон.

– Одна. Спасибо, – ответила она, не поднимая глаз. Возможно, ему следовало все-таки остаться с ней, но он поймал ее на слове. У него было очень много дел и мало времени.

Саймон вернулся в гостиную, и Хэл сказал:

– Нашел несколько монет и вот эти табакерки и миниатюры. А также несколько старых писем. Больше ничего, разве что ты считаешь сокровищем разбитые глиняные трубки, оторванные пуговицы и бусины.

– Исайя считал, что все может пригодиться. Наверное, так повелось у него с давних пор. Ведь он приехал в Канаду почти без денег. Возможно, табакерки он кому-то оставил. Надо прочесть завещание.

Развернув одно из писем, Саймон увидел, что оно написано в 1809 году.

– Надеюсь, он на них ответил.

Миниатюр было три: офицер с тяжелым подбородком, черноволосая молодая женщина и маленькая девочка.

– Я даже не знаю, кто они, – пробормотал Саймон. – Судя по фасону платья, эти миниатюры нарисованы довольно давно.

– По-моему, женщина та же самая, что и на картине. Наверное, это мать твоей жены.

Саймон пожал плечами:

– Возможно, ты прав. Интересно, ребенок – это Джейн? Вроде бы такой же цвет волос, но все же... – Он положил миниатюры на стол – Мне пора заняться документами, хотя ужасно не хочется...

– Я тоже пойду, – сказал Хэл.

Когда они прошли коридор, Саймон спросил:

– Когда собираешься уезжать?

– Вместе с тобой.

Саймон остановился.

– Спасибо, Хэл. Извини за эту сумятицу, но тебя мне послал сам Господь!

Саймон прекрасно понимал, почему так обрадовался, узнав, что Хэл отправится в Англию вместе с ними. Обрадовался отчасти из-за того, что будет меньше времени оставаться с Джейн, пока друг здесь, в Канаде. А ведь потом – еще шесть с лишним недель плавания!

– Что же ты стоишь? Вперед, к бумажным делам! – Хэл улыбнулся. – Но должен тебя предупредить: я в этом не силен.

– Я тоже. Ничего не смыслю в делах Исайи.

Переступив порог кабинета, Саймон осмотрелся. Росс и его люди уже привели комнату в порядок. Здесь все было как обычно, только ковер унесли. А маленькое пятнышко на полу указывало, куда просочилась кровь.

Да, гробовщик и его помощники прекрасно сделали свое дело. Но если посмотреть на комнату глазами судебного исполнителя, то здесь царил невероятный беспорядок. Полки прогибались под тяжестью книг, гроссбухов и всевозможных коробок, а в ящики стола даже

страшно было заглядывать. Впрочем, Исаяя всегда знал, где что лежит, хотя и был не очень-то аккуратным человеком.

– Я начну со стола, – сказал Саймон. – А ты можешь просмотреть книги, он всегда засовывал в них бумаги и даже деньги.

Тут он вдруг понял, что Хэлу с одной рукой будет не так-то просто это сделать. Но что же теперь сказать? «Проклятие! – думал Саймон, складывая в стопку бумаги, лежавшие на столе. – Ну почему сегодня все так сложно?»

Он видел, как Хэл снимает с полки книгу, кладет ее на стол и пролистывает. Вроде бы все нормально. После ампутации прошло два года, и он уже научился жить с одной рукой. К тому же они были старые друзья, и Хэл, если бы не мог ему помочь, сказал бы об этом.

Саймон склонился над бумагами. Он специально оставил дверь открытой, чтобы увидеть, если Джейн выйдет из столовой, или услышать, если она его позовет.

Вскоре он нашел завещание Исаяи, и оно было именно таким, как сказал доктор Болдуин, – почти все отходило «моей дорогой племяннице Джейн Оттерберн, которую я очень любил».

Интересно, сколько он ей оставил? Болдуин считал, что немного, а Джейн – что вполне хватит на жизнь. Наверное, даже нескольких тысяч хватило бы, чтобы сделать ее... более приемлемой для его родителей.

Увидев несколько недавних писем, Саймон решил, что этих людей следовало известить о смерти Исаяи. Но кто они, эти люди? Саймон никого из них не знал. Да и что он мог им сказать? Только написать несколько строк и сообщить...

Глава 5

– Я могу чем-нибудь помочь?

Саймон поднял голову и увидел стоявшую в дверях Джейн. Он молчал, и она добавила:

– Могу себе представить, что подумал бы дядя, если бы увидел, что я так долго бездельничаю. Так тебе помочь?

Саймон наконец-то поднялся на ноги.

– Да, конечно. Если ты не очень устала, дорогая. Видишь ли, оказалось, что я не знаю, кто писал письма... Вот эти, например.

– Наверное, я сумею вам помочь. – Джейн приблизилась к столу. Взглянув на Хэла, сказала: – Пусть майор Боумонт называет меня просто Джейн, а я тоже буду его звать по имени. Иначе мне придется называть тебя мистер Сент-Брайд, Саймон.

– Если ваш тиран-муж не возражает, то я с удовольствием буду называть вас Джейн, – проговорил Хэл с улыбкой.

– Я тебе покажу тирана... – Саймон тоже улыбнулся, благодарный жене за здравый смысл и ту легкость, с которой она рассеяла сумрачное настроение, не впадая в легкомысленный тон. – Знаешь, Джейн, Хэл собирается уезжать вместе с нами.

– О, замечательная новость!

«Может, она так обрадовалась по той же причине, что и я? – подумал Саймон. – Наверное, надо будет напрямую поговорить с ней о супружеской постели».

Но если Джейн и нервничала по этому поводу, то не подавала виду и казалась совершенно спокойной. Сев рядом с мужем, она стала просматривать письма и рассказывать о людях, которых Саймон не знал. Они вместе составили текст послания, и Джейн сказала, что может сама всем написать.

– Мне не хочется на тебя это взваливать, – пробормотал Саймон.

– Мне вовсе не трудно. После ухода Солтера... нашего секретаря, я выполняла его обязанности.

Саймон с удивлением посмотрел на жену:

– Неужели ты что-то понимаешь в его коммерции?

Джейн немного помедлила, потом сказала:

– Да, разумеется. Я во всем ему помогала. Видишь ли, при его здоровье и дрожащих руках... Правда, он не разрешал мне наводить здесь порядок, но зато я вела его бухгалтерские книги и писала бо́льшую часть писем.

Вскоре оказалось, что Джейн действительно прекрасно разбиралась во всех делах Исайи, так что можно было даже предположить, что именно она вела все его дела. «А ведь ей всего восемнадцать лет», – думал Саймон, с уважением поглядывая на жену.

В полдень они сделали перерыв и перекусили. А потом вдруг пришел какой-то мужчина в военной форме и, сказав, что Саймон должен явиться к вице-губернатору, остался ждать в холле.

– Черт побери, надо было сразу пойти, не дожидаясь вызова. Хэл, ты останешься?

– Конечно.

– Будут какие-то неприятности? – Джейн побледнела. – Это из-за дуэли?

– Не беспокойся, дорогая. Вице-губернатор злится, но я злюсь на него уже много месяцев.

В сущности, все к лучшему. Он не хочет возобновления дуэли.

По пути к дому вице-губернатора его то и дело останавливали знакомые, желавшие выразить соболезнование в связи со смертью Исайи. Возможно, это была игра воображения, но Саймону казалось, что в глазах многих из них он видел осуждение. Впрочем, он и сам себя винил. Ведь именно его дуэль стала причиной смерти Исайи.

Как он и ожидал, вице-губернатор Гор, человек, отвечавший за всю Верхнюю Канаду, был в крайнем раздражении.

– Скверное дело, сэр. Очень скверное. Я постараюсь повлиять на решение, но сделать это будет чертовски трудно, потому что вы ставите под сомнение честность такого уважаемого человека, как Ланселот Макартур.

– Полагаю, это лучше, чем опорочить доброе имя дамы, сэр. Заявление Макартура по поводу мисс Оттерберн и ее дяди было совершенно безосновательным.

Гор покраснел.

– Да-да, конечно. Но вы могли бы в ответ... Вы могли бы оскорбить его как-нибудь иначе. Что ж, я постараюсь уладить это дело. Вы ведь согласны?..

Саймон кивнул:

– Да, сэр. Буду очень признателен. Теперь у меня есть жена, которая полностью от меня зависит.

– Да, еще об этом, Сент-Брайд. Со стороны мисс Оттерберн было бы весьма разумно посещать... общественные мероприятия. Моя жена вышла из себя – вышла из себя, сэр! – когда та отклонила ее любезное приглашение.

– Моя жена очень скромна, сэр, и она была в трауре по матери и по кузине.

– Да-да, но концерт никому бы не повредил. Или летняя прогулка в Касл-Франк.

Саймон ухватился за подходящее объяснение.

– Видите ли, у нее очень бледная кожа и она легко обгорает на солнце. А москитов она словно притягивает к себе.

В июле Саймон вернулся в Йорк и обнаружил, что Джейн вся искутана. Он предложил ей индейское средство от укусов, которое несколько облегчило ее состояние, но не думал, что она одобрит индейскую мазь, отпугивающую насекомых. Он сам ее не любил, хотя иногда пользовался.

В этом заключалась одна из неразрешимых проблем: поселенцы зачастую испытывали отвращение к индейским снадобьям и предпочитали мучиться от укусов, нежели таким способом предохраняться.

– Ей больше подходит английский климат, – сказал Саймон. – Я уже заказал места на «Эверетте».

«Эверетта» была торговым кораблем Северо-Западной компании, и ее ежегодный приход в Монреаль в апреле означал начало настоящей канадской весны, а отплытие в конце октября – приближение долгой зимы. Судно перевозило в основном меха, и на борт брали всего несколько пассажиров, но зато обеспечивали им полный комфорт.

– Отлично, – кивнул Гор. – Корабль никого не станет ждать, так как погода здесь очень переменчивая. Так что отправляйтесь поскорее в Монреаль – так будет лучше.

Нельзя было выразиться яснее. «Забирай свою беспокойную жену – и убирайтесь оба побыстрее». Саймон посмотрел Гору прямо в глаза:

– Я не хотел бы пренебрегать своими обязательствами, сэр.

– Если бы Макартура здесь не было, вы бы стали ждать его возвращения?

Вот, значит, как.

– Конечно, я всегда буду к его услугам в Англии, сэр.

– Как вам угодно. – Гор проводил его до двери. – Постарайтесь разобраться с делами Тревитта. Хороший был человек, очень надежный.

Саймон уходил от вице-губернатора с легким сердцем. Он не был трусом, но отмена дуэли его вполне устраивала, потому что у него была Джейн, с которой следовало считаться. Если Гор отправил куда-то Макартура с каким-то поручением, то его не будет в Йорке несколько недель. А потом, возможно, он сочтет себя удовлетворенным без новых выстрелов.

– Слава богу, – с сияющими глазами сказала Джейн, когда он перед ней отчитался. – Когда мы уезжаем?

– «Эверетта» поднимет паруса 28 октября. Чтобы добраться до Монреаля, нам потребуется две недели, при удаче может получиться вдвое быстрее. Но Гор прав: в этом году корабль не будет нас ждать.

– Но тогда у нас только три недели на то, чтобы все здесь уладить. Составить опись имущества. Все упаковать. Продать дом. Избавиться от мебели.

– Ты предпочтешь остаться до весны?

Она пожала плечами:

– Как получится...

Саймон повернулся к Хэлу:

– У Галлоуэя в Монреале есть надежный агент. Если на «Эверетту» мы не успеем, пусть найдет для нас места на другом корабле.

Майор кивнул и сел писать письмо. Потом ушел отправить его.

Часы в холле пробили дважды. Значит, после смерти Исайи прошло шесть часов. Саймон повернулся к Джейн; она по-прежнему сидела за столом и просматривала документы. «Неужели она не устала? – подумал Саймон. – И почему она такая... невозмутимая? Может, ее не так уж и огорчила смерть Исайи?» Но тут он вспомнил о том, как она плакала сегодня утром, и устыдился своих мыслей. Конечно же, Джейн очень любила дядю, а ее невозмутимость и спокойствие – просто черты характера.

Поскольку она занималась документами, он взялся за дело, которое по глупости поручил сначала Хэлу, – принялся просматривать книги. Ему удалось найти еще несколько писем и кое-какие записи покойного. Некоторые из книг Джейн, наверное, собиралась взять с собой, но вот что делать со связками журналов и торговых справочников?

– В чем дело? – неожиданно спросила Джейн.

Саймон взглянул на нее и проворчал:

– Чертовски хочется выбросить все эти газеты, журналы и справочники. Зачем Исаяя их хранил?

– Хранил, потому что не удосужился отсюда убрать, – ответила Джейн. – Не думаю, что он ими дорожил. Ты прав, их надо выбросить.

И про женщин еще говорят, что они сентиментальны и чувствительны!

Он извинился и пошел в соседнюю комнату, где лежал Исаяя. При его появлении человек в черном костюме тотчас же выскользнул в коридор. Саймон понимал, что пришел сюда как бы в укор Джейн, что конечно же было явной глупостью. Ведь Исаяя здесь нет – только его труп. Джейн правильно сказала: ее дядя терпеть не мог, когда люди попусту тратили время. Он требовал лишь одного – чтобы Саймон взял на себя заботу о Джейн. Значит, следовало вернуться к ней.

У дверей кабинета Саймон увидел Хэла, беседовавшего с двумя слугами, которых он привел с собой. Эти двое пока что ничем не могли помочь, поэтому Саймон предложил им пройтись по конюшням и прочим хозяйственным строениям, где могли бы найтись какие-нибудь вещи, подходящие для аукциона.

– А почему бы не продать дом вместе со всем содержимым? – спросил Хэл. – Так было бы гораздо удобнее.

Господи, конечно! Но сначала следовало поговорить с Джейн. Приблизившись к столу, Саймон проговорил:

– Дорогая, те вещи, которые тебе нравятся, мы, разумеется, возьмем с собой, но...

– Перевозка будет стоить дороже вещей, – перебила Джейн.

– Но я не нищий. Если ты хочешь что-то взять, то бери.

– Нет, я ничего не хочу. – Она поднялась из-за стола. – Извини, мне надо заняться обедом.

Джейн выскользнула из комнаты, прикрыв за собой дверь. Проводив ее взглядом, Саймон покачал головой. Черт побери, почему бы ей не разразиться слезами?! Ведь так поступила бы любая женщина. Впрочем, он, наверное, несправедлив к ней. Просто она старалась держать себя в руках.

Саймон снова принялся просматривать книги, но больше ничего не обнаружил. Вскоре их с Хэлом позвали в гостиную – обедать. Оказалось, что Джейн успела приготовить довольно приличный обед. Саймона по-прежнему возмущало ее спокойствие, но он старался не подавать виду. Взглянув на жену, он с улыбкой сказал:

– Замечательно... Какая ты умница!

Она покраснела – он надеялся, что от удовольствия. Когда они сели за стол, Джейн сказала:

– А как мы доставим свои вещи в Монреаль? И сколько можно взять на «Эверетту»?

Саймон снова улыбнулся. Может, он напрасно возмущается? Ведь гораздо лучше иметь спокойную и уверенную в себе жену, чем плачущую и беспомощную.

Ответив на вопрос Джейн, Саймон склонился над своей тарелкой. Во время обеда он впервые обратил внимание, как Хэл режет мясо – тот орудовал какой-то странной комбинацией ножа и вилки. Видимо, его любопытство было слишком заметно, потому что майор сказал:

– Это называется вилкой Нельсона. С более тонкой стороны она острая, как нож, и изогнута. Замечательная вещь! У нее то преимущество, что в случае необходимости можно перерезать кому-нибудь глотку.

Поскольку тема была открыта, Саймон спросил:

– Ты не находишь, что тебе был бы полезен крюк или что-нибудь в этом роде?

– Возможно, – кивнул Хэл. – Проблема в руке. Рука – очень сложный инструмент. У меня была деревянная с шарниром на локте, но ее можно было двигать только другой рукой. Говорят, в Ирландии есть мастер, который делает кое-что получше. Может, когда-нибудь я его навещу.

Хэл говорил спокойно, без надрыва, но Саймону все равно было ужасно неловко. Он не знал, что сказать, но тут, к счастью, вошла служанка с вязанкой дров. Саймон вспомнил, что за дровами обычно ходил Исая. Поднявшись из-за стола, он сказал, что сам займется дровами. По правде говоря, он просто убегал к работе.

Саймон принес еще две вязанки: одну отнес в свою комнату, другую – после некоторого колебания – в спальню Джейн. Ему несколько раз случалось заглядывать в ее комнату, но раньше он никогда не переступал порог и теперь испытывал неловкость. Разумеется, муж имеет полное право заходить в комнату жены, но все же...

Осматривая комнату Джейн, Саймон пытался понять, что за человек его жена. Мебели здесь было совсем немного: узкая кровать, комод, стол, кресло-качалка у камина. Оставалось еще достаточно места, и Джейн вполне могла бы поставить сюда кровать пошире. Почему же она этого не сделала? Действительно – как монашка.

Потом он вспомнил, что Исая готовил эту комнату для двух девушек. Когда племянница приехала одна, лишнюю кровать убрали из сочувствия к ее горю. Джейн не стала ничего менять – ей тогда было не до того. И она, судя по всему, не тратила на себя денег. Хотя Исая с удовольствием купил бы ей все, что она пожелала бы. Но почему же она ничего не просила, почему?..

На кровати – простенькое лоскутное одеяло; на полу – прекрасный ковер, но накрыт лоскутным половиком. На кресле же лежало свернутое вязаное одеяло, – наверное, Джейн заворачивалась в него, когда было холодно. И сразу же вспомнилась вязаная шаль, которую Джейн иногда накидывала на плечи. Исая купил бы ей шаль из лучшего кашемира, если бы она только пожелала.

Вероятно, ей было не очень-то уютно в Тревитт-Хаусе. Но тогда как же она почувствует себя в Брайдсуэлле? А вот здесь, в ее спальне, было необыкновенно уютно. Все эти лоскутки, рукоделие... Похоже, Джейн свила себе тут уютное гнездышко. И окружила себя картинками из своего прошлого. Что ж, ничего удивительного, ведь у него в комнате тоже висят миниатюры родителей и вид Брайдсуэлла.

Саймон внимательно рассматривал портрет Арчибальда Оттерберна, висевший на стене. Между отцом и дочерью – несомненное сходство, хотя Саймон подозревал, что в одном мизинце Джейн было больше энергии и силы, чем во всем теле ее покойного папаши. Ведь он умер, схватив простуду под дождем...

Сила же досталась ей от матери – о том свидетельствовал карандашный портрет Марты Оттерберн, которого он прежде не видел. Она была изображена на кухне, спокойная и добрая.

Рядом висела менее удачная работа – по-видимому, автопортрет кухни. Поза девушки была слишком уж неловкая – так почти всегда получается на автопортретах. Тем не менее сходство с Джейн поразительное, что даже странно при таком дальнем родстве. Правда, у Нэн Оттерберн носик чуть прямее, и от этого лицо кажется длиннее. Если бы не нос, их можно было бы принять за двойняшек.

Судя по всему, у кухни Джейн был необыкновенный талант. Возможно, она стала бы замечательной художницей. Рисунки она не подписывала, но они были куда лучше, чем написанный маслом портрет с подписью «Б. К. Макки».

Саймон заметил еще один маленький рисунок, стоявший в рамке на столе. Это был двухэтажный дом – по-видимому, дом их семейства в Карлайле. Довольно приличный, но скромный. Очень скромный. Очевидно, в школе, где учительствовал Оттерберн, платили не очень-то щедро. В одном из окон дома что-то виднелось... Саймон присмотрелся и прочел надпись на табличке: «Миссис Оттерберн. Галантерея».

Что ж, ничего не поделаешь. Саймон невольно вздохнул. Вероятно, Джейн не должна показывать эту картинку его родителям или кому-нибудь из его знакомых.

Но он тотчас же отбросил эту мысль. Лучше не думать сейчас об этом. А потом, когда они приедут в Англию, все как-нибудь разрешится само собой. К тому же не следует забывать и о том, что Оттерберны – уважаемые шотландские дворяне, а главой их клана, насколько он знал, был сэр Дэвид Оттерберн, известный филантроп. Жаль только, что сэр Дэвид не распространял свою благотворительность на собственных родственников. Ведь мог бы взять к себе Нэн, оставшуюся без родителей.

Как бы то ни было, Джейн не следовало стыдиться своих родственников. Даже родство с Исасей говорило в ее пользу, потому что в Новом Свете он добился успеха и стал здесь весьма уважаемым человеком.

И ему, Саймону, тоже не следовало стыдиться своей жены.

Но все-таки будет лучше, если дома никто не узнает о галантерейной лавке.

Глава 6

Они провели в кабинете весь вечер, потому что Саймон считал, что надо быстрее все сделать. К тому же работа отвлекала от неприятных мыслей.

Когда же часы пробили девять, Хэл поднялся на ноги.

– Мне пора в гостиницу.

«Может, Хэл считает, что нас с женой ждет первая брачная ночь?» – подумал Саймон.

Невольнo усмехнувшись, он сказал:

– Спасибо за помощь. Можно будет рассчитывать на тебя завтра утром?

– Да, разумеется. И в любое другое утро.

Саймон проводил друга до парадной двери. Когда же вернулся, Джейн все еще занималась бумагами. Он поднял ее со стула.

– Хватит. Испортишь зрение.

– Ах, у меня уже все расплывается перед глазами!

– Тогда пошли. Надо выспаться, потому что завтра – долгий и трудный день.

Саймон запер дверь кабинета. Разумеется, он не думал, что кто-нибудь похитит бумаги, и запер дверь просто для порядка. Но что же делать дальше? Как сказала Джейн, никто не ждал, что они проведут эту ночь вместе, как обычные новобрачные. Но если не соблюдать ритуал, то чем же теперь заняться?

К ним подошла миссис Ганн – в новом платье, в шляпе и в перчатках.

– Если не возражаете, я тоже пойду на похороны, выражу почтение мистеру Тревитту, – сказала женщина. – Я уже отнесла ужин в вашу комнату, сэр, так что забирайте жену и отдохните в мире и покое.

«Неплохая мысль», – подумал Саймон. Им с Джейн действительно следовало поговорить. Поблагодарив кухарку, он взял жену за руку и повел ее к лестнице.

– Нам надо поговорить, дорогая. А потом разойдемся по своим комнатам.

– Считаешь, что я такая дурочка?

– О чем ты, Джейн? Разумеется, я так не считаю. Пойдем же.

Его комната находилась в конце коридора, так что им пришлось пройти мимо спальни Исайи. Замедлив шаги, Саймон пробормотал:

– Даже не верится, что он умер, что никогда больше не будет здесь спать.

– Может, зайдём ненадолго? – сказала Джейн. – Мне хочется... Надо похоронить вместе с ним кое-что из его любимых вещей. «Мои маленькие сокровища» – так он их называл.

Маленькие сокровища Исайи... Он бережно хранил костяные пуговицы с куртки, в которой прибыл в Канаду, и фигурки из дерева, вырезанные приятелем с севера. Имелись у него также орлиные перья, бисерный пояс, куклы из початков кукурузы, корявый нож с ручкой из резной кости...

– Да, ты права, – кивнул Саймон. – Надо похоронить эти вещицы вместе с ним.

Джейн внимательно посмотрела на него, в глазах ее блестели слезы.

– Подожди, я сейчас принесу свечу.

Вскоре она вернулась со свечой, и они вошли в комнату Исайи. Кровать до сих пор была не убрана, а ночная рубашка висела на спинке стула. Все здесь свидетельствовало о том, что Исайя намеревался вернуться через несколько минут. Увы, ему не удалось это сделать.

Саймон расхаживал по комнате, собирая «сокровища Исайи», а Джейн следовала за ним с корзинкой из игл дикобраза, в которую они все это складывали. Не забыла Джейн и любимую дядину табакерку из слоновой кости, а также новую трубку и табак.

– Я рад, что эти вещи отправятся с ним в дорогу, – пробормотал Саймон.

Они улыбнулись друг другу и пошли в комнату Саймона, где ярко горел камин. Обещанный ужин стоял на столике между двумя удобными креслами, а плотно задернутые занавески закрывали ложе в алькове. Миссис Ганн проявила такт.

Саймон усадил Джейн в кресло, поставил перед ней тарелку и налил вина. Она поблагодарила, но к ужину не притронулась. Сев в другое кресло, Саймон сказал:

– Вино успокаивает. Выпей.

Она покачала головой:

– Не могу. Я все думаю, что нужно было найти какой-нибудь способ избежать этой свадьбы. А может, сейчас можно что-то придумать?

Саймона задело слово «избежать».

– Я подумаю, но вряд ли. Неужели я такой невыносимый?

Она подняла на него свои огромные голубые глаза.

– Нет, конечно. Но ты ведь этого не хочешь. Я совсем не подхожу для тебя.

– Уверяю тебя, если бы я захотел жениться раньше, то мог бы уже давно это сделать – и здесь, и в Англии. Видишь ли, не исключено, что со временем я стану графом. Так что я без труда нашел бы невесту, сама понимаешь.

– Графом? Это правда?

– Увы, правда. – Он улыбнулся.

Джейн же смотрела на него так, будто он сказал, что болен чумой.

– Только не говори, что стать графиней – для тебя хуже смерти. Джейн, дорогая, не хмурься. Возможно, титул действительно перейдет ко мне. Мой отец – родственник графа Марлоу, и он может унаследовать титул, если нынешний наследник графа виконт Остри умрет, не оставив сына. Остри на пятнадцать лет старше меня, и у него пока что только дочери. Но очень может быть, что появится и мальчик.

– А если ты станешь графом, то когда?

– Думаю, очень не скоро, даже если Остри не произведет на свет наследника. Ведь сам он проживет еще лет тридцать-сорок, возможно – гораздо дольше. Ведь его отцу было лет девяносто, когда он умер. Так что мы с тобой, если и станем графом и графиней, едва ли по-настоящему обрадуемся, потому что будем уже слишком старыми для этого. – Заметив, что Джейн не успокоилась, Саймон добавил: – Если же Остри умрет скорее, то в затруднительное положение попадет мой отец, а не я. Отцу пятьдесят один год, он крепок и здоров, к тому же не интересуется рискованными увлечениями вроде охоты. – Саймон решил умолчать о том, что сам он станет виконтом Остри, если его отец унаследует графский титул.

– А твой отец... он разве не хочет стать графом?

– Ему эта идея совсем не нравится. Мои родители лишатся сна от одной мысли о том, что им придется покинуть Брайдсуэлл.

– Ты, наверное, думаешь, что я дурочка.

– Нет, ошибаешься.

– Думаешь – и правильно думаешь. Но ты, Саймон, должен понять: та жизнь, о которой ты говоришь, – она не для меня. Пойми, я совсем другая и не сумею приспособиться.

– Сумеешь.

– Я буду отверженной.

– Ты будешь моей женой, и этого достаточно.

– Но я дочь лавочницы. Я помогала ей в лавке!

– Ты действительно не приспособишься, если будешь все время вспоминать об этом. –

Она промолчала, и он добавил: – Поверь, Джейн, для меня не имеет значения, чем ты раньше занималась.

Он лгал, и они оба это знали. Саймон почувствовал, что уже устал от этого разговора. Шумно вздохнув, он пробормотал:

– И все-таки тебе не следует опасаться моих родителей, друзей.

Она пристально взглянула на него:

– Я опасаясь, потому что знаю: таких, как я, в высшем обществе считают существами низшей породы, пусть даже некоторые из вас, проявляя к нам снисхождение, иногда с нами общаются.

Саймон в изумлении смотрел на жену. Неужели она действительно так думает? И неужели женщины из деревни Монктон-Сент-Брайдс чувствовали себя низшей породой, когда его мать и сестры останавливались поговорить с ними? А с ним, с Саймоном, они так же себя чувствовали? Но ведь он не считает себя высшим существом, хотя... Да, иногда ему казалось, что делает какое-то доброе дело, общаясь с простолюдинами.

– Джейн, выпей вина. – Она сделала глоток, и он спросил: – Ты знаешь о компании? Кажется, я упоминал об этом.

Она неуверенно кивнула.

– Это твои школьные друзья, да?

– Совершенно верно. И Хэл – из их числа. Некоторые из нас уже женились, и не все – на высокородных дамах. Маркиз Арден, например, женился на школьной учительнице. А ведь он – наследник герцогства Белкрейвен. И я очень сомневаюсь, что кто-то заставит Бету Арден чувствовать себя низшим существом.

– Но она же маркиза... – возразила Джейн.

– Съешь кекс, – сказал Саймон. – Так вот, а Ли, граф Чаррингтон, женился на обнищавшей вдове поэта. И если я правильно помню, то до первого замужества она была дочерью школьного куратора, то есть, в сущности, того же учителя.

– Ты смеешься надо мной.

– Просто пытаюсь убедить тебя в том, что твои страхи совершенно безосновательны.

Она обожгла его взглядом.

– Тогда почему ты говорил, что про лавку надо помалкивать?

– О, черт возьми! Конечно, рассказывай, если хочешь. Можешь даже сама открыть лавку, если так хочется! – Он сделал глубокий вдох. – Прости, Джейн...

Она молча потупилась, ее лицо пылало. Саймон поднес к губам ее руку и проговорил:

– Не сердись, Джейн. Прости меня. Надо быть сумасшедшим, чтобы сейчас обсуждать это. Все уладится, обещаю. Через два месяца мы будем в Англии, и ты увидишь, что твое низкое происхождение не имеет никакого значения.

Она поднялась на ноги – и вдруг разразилась слезами. Он замер на мгновение, потом привлек ее к себе.

– Ну-ну, успокойся, дорогая. Сказав «низкое происхождение», я просто пошутил, неужели не поняла? В твоём происхождении нет ничего дурного. Даже семья Исайи – уважаемые люди.

Но она продолжала плакать, причем плакала с таким отчаянием, что Саймон растерялся. Снова усевшись, он усадил Джейн себе на колени и крепко обнял, пытаясь успокоить.

– Джейн, не плачь, Джейн... Поверь, никто не подумает о тебе плохо, даже если весь мир будет знать, что твоя мать, чтобы свести концы с концами, продавала кружева и ленты, а ты ей помогала. Только очень неумные люди осудят тебя – а кому до них дело? Или ты плачешь, что будешь графиней? Но это может случиться... Возможно, никогда не случится!

«Заткнись же, идиот, – говорил себе Саймон. – Она плачет от усталости, плачет об Исайте, это же очевидно». Он и сам чуть не плакал, вспоминая, как Джейн выслушивала последнюю просьбу умирающего дяди. Черт возьми, конечно же, она страшится предстоящего знакомства с маркизами и графами.

Он постарался успокоиться и обдумать сложившуюся ситуацию. Действительно, какие могут быть основания для того, чтобы аннулировать брак? Невменяемость. Мошенничество,

если человек выдает себя за кого-то другого. Если вдруг окажется, что одному из супругов нет двадцати одного года. Но Исая, являвшийся законным опекуном Джейн, дал свое согласие на брак в присутствии множества свидетелей. Правда, не было лицензии на этот брак, но здесь, в Канаде, законы не столь строги, как в Англии. К тому же церемонию венчания провел священник и, следовательно, их брак утвержден нерушимо.

Рыдания стали тише, и он заглянул в ее опухшие глаза. Плач искажил личико, но от этого ему еще больше захотелось защитить ее, успокоить... Да, он должен что-то придумать, непременно должен.

– Джейн, знаешь... Пока думай обо мне как о брате. У меня четыре сестры, так что имею опыт. Если бы мои сестры были здесь, они дали бы мне прекрасные рекомендации, я уверен. У тебя будет моя защита, протекция... и руководство. – Он опять рискнул пошутить: – Я требую взамен лишь одного: чтобы ты три раза в день становилась передо мной на колени и кланялась, как будто я важная персона.

На сей раз юмор подействовал – на личике появилась улыбка.

– Ах, я испортила твой сюртук!

– Привилегия сестры. Хотя я бы сказал иначе: моему сюртуку очень повезло. – Он провел ладонью по ее щеке. – Виден четкий отпечаток пуговицы.

Она потерла щеку кулачком и слезла с его коленей.

– Я очень сожалею, Саймон. Прости... за все. – Она пристально посмотрела ему в глаза. – Я уверена, должен быть какой-то способ выйти из этого положения. И я думаю...

– Тихо, дорогая. – Он приложил палец к ее губам. – Если даже такой способ есть, пока что мы все равно ничего не можем сделать. Может, это было глупо, но я ведь объявил, что мы еще раньше собирались пожениться, разве забыла? Так что теперь, чтобы избежать скандала, придется подождать. А потом подумаем.

Она комкала мокрый от слез платок.

– А если мистер Макартур вернется до того, как мы уедем? О, как бы я хотела, чтобы женщинам разрешали стреляться на дуэлях!

– Ты умеешь стрелять?

– Я бы научилась.

– Не сомневаюсь.

Он действительно не сомневался в этом. Ему вдруг снова вспомнилось, как Джейн с громким криком бежала к месту дуэли. Она тогда была очень хороша собой...

Понимая, что поступает неразумно, он развязал шнурок у нее под подбородком и снял чепчик. Вытащить шпильки не составило труда – и волосы золотистыми волнами упали ей на плечи.

Она смотрела на него во все глаза. Смотрела, чуть приоткрыв губы.

«Губы, ждущие поцелуя», – промелькнуло у Саймона.

– Почему ты прячешь волосы?

Впрочем, он знал ответ на этот вопрос. Ее волосы могли бы свести с ума любого мужчину. Словно прочитав его мысли, она откинула волосы за спину – так скряга прячет свое золото.

– Я была в трауре, поэтому и носила чепчик.

Саймон знал, что во время траура не обязательно убирать волосы, однако промолчал, чтобы не приставать к жене с расспросами. Проводив ее в спальню, он вернулся к себе. Ему хотелось рвать и метать.

Он не знал, рад ли тому, что женился на ней, но точно знал, что его к ней влечет. И теперь он вдруг понял, что уже давно желал ее, но только не осознавал этого.

Но ведь сейчас она его жена! И он имел полное право снять с нее чепчик и распустить ее волосы. Он мог раздеть ее, мог целовать ее и ласкать...

Заставив себя отбросить эти мысли, Саймон налил в бокал вина и залпом выпил. Он не должен вести себя как скотина – должен избавить Джейн от этого брака, если он ей в тягость. Завтра он непременно поговорит с Болдуином, а когда придет в Англию – со Стивеном Боллом. А если ничего не удастся сделать? Что ж, в таком случае они с Джейн будут связаны до конца жизни, и, возможно, это не так уж плохо.

Терзаемая чувством вины, Дженси не могла заснуть всю ночь и утром с трудом встала с постели. В зеркале она увидела опухшие и покрасневшие глаза, но решила, что никто этому не удивится. Да, люди не удивятся, даже если подумают, что у них с Саймоном была первая брачная ночь.

Уронив расческу, Дженси закрыла лицо ладонями. Она должна освободить Саймона от этого брака, хотя ей очень этого не хочется. Да, надо освободить его, потому что она – лживая грешница и приносит людям несчастье. Марта умерла. Джейн умерла. Исая умер.

Она знала, что странный кодекс чести, по которому живут джентльмены, требовал от Саймона встретиться с Макартуром, если тот будет настаивать. Значит, он может умереть. А она этого не вынесет. Не вынесет.

Если бы ее рассказ мог остановить дуэль, она бы уже рассказала Саймону правду. Но ее слова ничего не изменят, так как в конечном счете дуэль была из-за того, что Макартур растратил казенные деньги. Ее признание не изменит этого факта, но очень усложнит все остальное.

С трудом одевшись, Дженси пошла посидеть у гроба Исая в последний раз. Саймон настаивал, чтобы она поела, но она отказалась – не хотелось даже думать о еде.

Вскоре начали приходить друзья и компаньоны Исая, и каждый из них бормотал слова соболезнования. Единственной женщиной была миссис Ганн, она заняла место рядом с Дженси, и та поблагодарила старуху. Миссис Ганн в знак поддержки похлопала девушку по руке. Она чем-то напоминала ей Марту, и кухня стала ее любимым местом. Ей часто хотелось рассказать пожилой женщине всю правду.

Преподобный отец Строн провел поминальную службу, а затем Росс накрыл гроб крышкой и заколотил ее. Хотя Дженси искренне верила, что тело – это всего лишь оболочка человека, каждый удар молотка словно бил ей по сердцу. Когда Саймон обнял ее за плечи, она невольно прижалась к нему.

– Дорогая, тебе не обязательно присутствовать.

– Я должна.

Ему пришлось ее оставить – он вместе с другими нес гроб, – и Джейн с благодарностью приняла поддержку миссис Ганн по дороге к погосту.

В затуманенных слезами глазах солнечный день виделся безумной пляской голубого, зеленого, коричневого, оранжевого. Листья с деревьев облетели, и в воздухе уже пахло зимой, но Дженси даже радовалась холоду. Ей казалось, что было бы неправильно, несправедливо, если бы в такой день погода была слишком хорошей.

У могилы преподобный Строн начал поминальную молитву, но Дженси мысленно произнесла свою.

«Дорогой дядя Исая, теперь ты уже знаешь правду. Ты сможешь меня простить? Жаль, что я не нашла в себе мужества признаться. Сейчас я знаю, что ты бы меня понял.

Когда Джейн умерла, я очень испугалась. Я была в море, нас обеих ужасно тошнило. Я думала, что умру, но умерла Джейн. Я была одна в целом мире, ехала в “дикие места”, как говорила тетя Марта. И еще она говорила, что в Канаде медведи заходят в дома, а по улицам расхаживают дикари.

И конечно, я очень боялась встречи с тобой, дядя Исая. Я думала, что ты прогонишь меня, возможно, даже отправишь в тюрьму за то, что я воспользовалась деньгами Джейн, потому что своих не хватало.

Поверь, дядя Исаяя, мне очень жаль, что я тебе не доверилась, когда приехала, Если бы я рассказала тебе правду, ты не стал бы заставляя Саймона жениться на мне. Лучше бы ты этого не делал. Лучше бы я отказалась. Ты должен помочь мне поступить правильно. Будь моим наставником, дядя. Ведь ты не возражаешь, что я тебя так называю? Научи, как мне себя вести, когда и как сказать ему правду. Я никому никогда не говорила, что я...»

– Джейн...

Дженси вздрогнула: рядом с ней стоял Саймон. Люди начали расходиться с кладбища; многие шли в дом покойника – на поминальную трапезу.

– Не хочешь бросить в могилу горсть земли?

Она содрогнулась.

– Зачем?

– Не знаю.

Вместо этого Джейн взяла мокрый от слез платочек с черной каймой и бросила его в корзину из игл дикобраза, стоявшую на гробе.

– Прощай, дядя Исаяя. Счастливого пути.

Саймон обнял ее за плечи и повел домой.

– Не горюй, дорогая. Скоро все худшее останется позади.

Дженси вздохнула. Если бы и впрямь так...

Уже дома пришла добрая весть. Дженси услышала, как вице-губернатор Гор сказал, что Макартуру пришлось срочно выехать на запад, где случились какие-то беспорядки под Амхерстбергом. Дженси очень надеялась, что беспорядки серьезные и Макартур попадет под перекрестный огонь.

Когда миссис Ганн ушла на кухню, Саймон предложил жене пойти отдохнуть, и та с удовольствием воспользовалась предложением. Свой долг перед Исаяей она уже выполнила, а если мужчины хотят выпить или поговорить о делах, то пусть занимаются этим без нее. Вот только когда ты одна и без дела, остается слишком много времени для тягостных дум...

Чтобы не думать, Дженси стала прохаживаться по комнате, собирая вещи, которые хотела взять с собой в Англию. Она решила, что возьмет почти все, что привезла с собой, – рисунки, принадлежавшие Джейн, медальон с прядью седых волос тети Марты, а также локон медно-золотистых волос Джейн.

Странно, что она никогда не обращалась в своих молитвах к Марте и Джейн, как сегодня обращалась к Исаяе. «Надо и с ними поговорить», – решила Дженси. Встав на колени, она попросила у них прощения за все грехи, и ее тотчас же охватило дивное чувство мира и покоя. Она знала, что это пришла Джейн, славная, любящая Джейн... Дженси почти чувствовала, как та ласково гладит ее по волосам.

«Все хорошо, Нэн. Да-да, все хорошо. Не беспокойся, ты все сделала правильно, и я буду наблюдать за тобой. Наверное, ты хочешь, чтобы я называла тебя Дженси...»

– Нет, не надо, – громко сказала Дженси, и ей сразу же показалось, что Джейн начала исчезать, покидать ее. – О, Джейн, любимая, побудь со мной еще немного! Помогни мне. Только называй меня Нэн. Для тебя я Нэн. Всегда.

Если бы ее сейчас услышали, подумали бы, что она сошла с ума. Да, наверняка бы так подумали.

Дженси забралась на кровать – и тут же провалилась в сон. Когда же проснулась, в голове был туман, а глаза как будто засыпало песком. Однако теперь она чувствовала себя значительно лучше. Почти год она жила в страхе, в растерянности, а сейчас вдруг все стало ясно. Она будет помогать Саймону, пока он занимается делами Исаяи и готовится к путешествию в Англию. А потом, как только они сойдут на берег, она расскажет ему правду. Всю правду. Даже про Хаскеттов.

И тогда, когда выяснится, что она его обманывала, выдавая себя за Джейн... Ее ложь сделает брак недействительным, и он сможет обрести свободу.

Дженси надела одно из своих самых скучных платьев, а на голову – белый капор. Когда она спустилась вниз, ей показалось, что в доме уже никого нет – только три родственницы миссис Ганн мыли посуду на кухне. Они о чем-то болтали, но сразу же умолкли, увидев Дженси.

Что ж, жизнь продолжалась, и следовало побыстрее чем-то заняться, но чем именно? Наверное, скорбящим надо давать время приспособиться, как новобрачным дается медовый месяц. Дженси даже придумала название: «горький месяц». Да, такое название прекрасно подходило, ведь у нее сейчас...

Она вдруг услышала голос Саймона, доносившийся из гостиной, и сердце ее екнуло. Но не так, как это случается во время танцев, а как у щенка, задрожавшего в восторге при звуке голоса хозяина. Собравшись с духом, Дженси вошла в гостиную. Там сидели Саймон и Хэл.

– У нас уже есть предложение, – говорил Саймон. – Речь идет о покупке дома со всем содержимым.

Заставив себя улыбнуться, Дженси сказала:

– Вот и хорошо. Одной заботой меньше. Не волнуйся, Саймон, я прожила в этом доме меньше года, и все, что мне было дорого, умерло. – Она поспешно добавила: – То есть я хотела сказать, что не так привязана к этому дому, как к своему дому в Англии.

– Я понимаю, Джейн. Что ж, вернемся к делам.

Хэл Боумонт собирался уйти к себе в гостиницу, но Саймон и Дженси уговорили его остаться – им не хотелось оставаться наедине, и оба понимали это. После обеда они сыграли в домино в память об Исайте – тот обожал эту игру и очень дорожил набором костяшек из эбонита.

– Домино мы тоже должны взять с собой, – пробормотала Дженси со вздохом.

Видимо, она заметно расстроилась, потому что Саймон сказал:

– Наверное, ты очень устала, дорогая.

Хэл опять поднялся, собираясь уходить, но Дженси попросила его остаться, а сама вышла и направилась к себе в комнату. «Что же делать, что делать?» – спрашивала она себя. Действительно, что ей делать, если... если Саймон вдруг придет к ней в постель? Если они собираются расторгнуть брак, то им не следует... свиваться, как это называли Хаскетты.

Впрочем, сейчас Саймон едва ли придет. А она... Ох, она ужасно устала!

Дженси быстро разделась, умылась и легла в постель.

Глава 7

На следующий день Саймон после завтрака сказал:

– Мне сегодня надо будет уйти, но попозже. А сейчас мы должны осмотреть комнату Исайи. Некоторые вещи он оставил в дар друзьям, и надо выполнить его волю.

Было ясно, что Саймону не хочется идти в комнату покойного, и Дженси сказала:

– Если хочешь, я сама этим займусь.

– Нет, мы вместе.

– А у тебя не будет неприятностей из-за дуэли? И что сказать о смерти дяди Исайи? Ведь от меня, наверное, потребуются свидетельские показания?

– Не думаю. Болдуин расскажет о здоровье Исайи. Сол Прити сказал ему про дуэль, а сам пошел за лошадью для Исайи. Я очень сожалею, что тебе довелось найти дядю, но не думаю, что от тебя потребуются показания.

– Мне бы не хотелось переживать все заново.

– Значит, не будешь. Что ж, я, пожалуй, пойду.

После ухода Саймона Дженси села писать извещения о смерти для тех, кто жил далеко. Когда же Саймон вернулся, она в тревоге подняла на него глаза.

– Все очень обыденно – сказал он. – Смерть от несчастного случая. Что ж, пошли осматривать комнату.

Она встала и пошла за мужем. На лестнице он взял ее за руку и тихо проговорил:

– Осматривать вещи – хуже, чем похороны.

– Да, теперь окончательное прощание, – кивнула Дженси.

Саймон открыл дверь, и они вошли в комнату. И почему-то уже не возникало впечатления, что Исайя вот-вот вернется, хотя и кровать по-прежнему была не убрана, и ночная рубашка все так же висела на стуле. Возможно, отсутствие «маленьких сокровищ» сделало комнату совсем другой. Впрочем, здесь и сейчас оставалось довольно много вещей.

– С чего начнем? – спросила Дженси.

– Тебе не обязательно это делать, дорогая. Мне помогут слуги майора.

– Нет, я сама хочу... – Она огляделась. – Будем осматривать всю комнату, но начнем с комода, шкафа и буфета.

– Согласен. То, что относится к завещанию, – в одну кучу, а то, что ты хочешь сохранить, – в другую. Остальное же...

– Остальное отдадим преподобному Строну, – сказала Дженси. – А он передаст нуждающимся.

– Да, конечно, – кивнул Саймон.

Дженси заправила кровать и выдвинула ящик комода. Он был заполнен бриджами, и она в растерянности пробормотала:

– Они тебе не подойдут по размеру.

Саймон улыбнулся:

– И я не ношу такой фасон.

Взглянув на него, она засмеялась, но тут же прикрыла рот ладонью.

– Но что же с ними делать?

– Полагаю, надо отдать отцу Строну.

– Ох, конечно. Извини. Просто...

– Я понимаю.

Они надолго умолкли, только Дженси что-то тихонько бормотала себе под нос. В очередной раз взглянув на мужа, она вдруг подумала: «А ведь мы с ним никогда еще не были вдвоем так долго, как сейчас. И он, кажется, все понимает, с ним очень легко».

В одном из ящиков буфета они наткнулись на чей-то белокурый локон, завернутый в пожелтевшую бумагу. Чей этой локон, они не знали, поэтому решили, что его надо сжечь.

Перед тем как продолжить работу, Саймон поднес к губам руку жены. Сделав вид, что потянулась к следующему ящику, Дженси украдкой погладила то место, которое он поцеловал.

С каждой секундой в душе ее нарастал бунт против несправедливой судьбы. В Саймоне было что-то необыкновенно привлекательное. Почему же она должна его бросить и провести жизнь в одиночестве? Почему не может ответить на послание, которое видит в его глазах? Если бы они с ним сейчас легли в постель, то навсегда бы скрепили свой союз.

Она взяла в руки пачку писем – и невольно ахнула.

– Что такое? – спросил Саймон.

Ей хотелось спрятать письма, но было уже поздно.

– Это письма... моей матери. – Она чуть не сказала «тети Марты»! Что же делать? – Здесь ужасно холодно. Подбрось дров в камин, а я принесу огонь.

Дженси выбежала из комнаты и бросилась к себе. К счастью, Саймон ничего не понял, подумал, что она плачет из-за горестных воспоминаний. Ворвавшись к себе в комнату, Дженси дрожащими руками развернула первое письмо. Оказалось, что Марта написала его еще до своего замужества. Дженси отложила письмо и развернула следующее. Писем было не очень много, и она быстро просматривала их одно за другим, отыскивая то, которое пришло, когда она переехала жить к Марте.

Что же Марта написала тогда брату?

Да, вот оно. Написано в сентябре 1808 года.

Как она и боялась, Марта рассказала ему все. Вшивая хаскеттка родила девочку, очень похожую на ее милую Джейн.

Дальше Марта рассказывала брату о том, как боролась с собой, пытаясь простить грех покойному мужу. И следовало признать, что эта борьба никак не отразилась на отношении Марты к приемной дочери.

Это письмо Марты было, наверное, самым длинным из всех. Возможно, далекий от нее брат являлся единственным человеком, с которым она могла говорить откровенно.

«Хотя я ненавижу ложь, – писала Марта, – девочку все будут знать как Нэн Оттерберн, сироту из семьи Оттербернов. Да простит мне Господь эту ложь и убережет нас от раскрытия обмана».

Дженси вдруг подумала, что Исаяя всегда знал правду о ней, но потом поняла, что не знал. Он считал, что она – Джейн, а Нэн Оттерберн умерла во время плавания.

Она отложила это письмо в сторону и просмотрела остальные. Марта больше нигде не упоминала о Хаскеттах, ее, Дженси, называла «дорогая Нэн». И еще чаще она говорила: «Мои милые девочки». Дженси с трудом сдерживала рыдания. Какой доброй женщиной была Марта!

Последнее письмо было написано нетвердой рукой, когда Марта была уже больна. Она просила брата проявить доброту к «моим дорогим девочкам». Дженси вспомнила, что Джейн предлагала матери написать за нее, но Марта отказалась, сказала, то должна написать сама.

«Дорогой брат, они обе очень хорошие девочки, и я прошу тебя забыть то, что я написала о происхождении Нэн. Если бы я знала, что дойдет до этого, я бы ни за что не рассказала. Нэн более энергичная, чем Джейн, она даже немного дерзкая, но я даю тебе слово, в ее душе нет порчи, присущей Хаскеттам. Поверь, она хорошая девочка, и я умоляю тебя обращаться с ней как с племянницей, как с Джейн».

Дженси очень не хотелось жечь эти письма, но выхода не было – их придется сжечь. Потому что если их не...

Она вдруг поняла, что нет необходимости уничтожать все письма. В них ведь не говорилось, что она не Джейн, а Нэн. И только два письма свидетельствовали об этом. Значит, их и следовало сжечь.

Приблизившись к камину, Дженси сунула письма в огонь и подождала, когда они сгорят дотла. Вот так. Порчи Хаскеттов больше нет. Остальные письма она положила в ящик стола, потом вытащила из огня головешку и отнесла в комнату Исайи, где Саймон уже подбросил дров в камин. Вскоре пламя разгорелось, и в комнате стало гораздо теплее.

Хотя она отсутствовала довольно долго, Саймон ничего об этом не сказал. Но Дженси все-таки опасалась, что может каким-то образом выдать себя. Воспользовавшись случаем, она заглянула в Библию – вдруг Исайя сделал там какие-то записи о семье? Но никаких записей там не оказалось, а он был не такой человек, чтобы вести дневник или хранить копии писем, которые писал сестре.

– Ой, смотри! – воскликнул Саймон, Дженси в испуге вздрогнула, но оказалось, что он всего лишь держал в руке неуклюжий старинный пистолет. Улыбнувшись, Саймон положил пистолет в кучу вещей, которые следовало сохранить, и они вновь взялись за работу.

Саймону было не очень-то приятно осматривать комнату Исайи, но он прекрасно понимал, что его жене еще тяжелее. Когда же она нашла письма матери, ей стало совсем плохо, но теперь она, кажется, оправилась. И все-таки лучше им уехать отсюда поскорее, уехать к новой жизни. В Англии у них все должно быть по-другому.

Время от времени поглядывая на жену, Саймон с удовлетворением отмечал, что она стала такой же невозмутимой и спокойной, как прежде, до того, как нашла письма матери. А потом он вдруг вспомнил, как поцеловал ей руку... Ему показалось, что в тот момент по телу его словно пробежала горячая волна, но это было не вожделение, а какое-то более глубокое чувство. Но что же это за чувство? Пока он не мог ответить на такой вопрос.

Когда они закончили сортировать вещи покойного, Джейн пошла за слугами, чтобы те хорошенько прибрались в комнате. Более того, следовало заняться уборкой во всем жилище – от чердака до подвала. Во всяком случае, сама Джейн считала, что надо оставить дом покупателю в безупречном состоянии. Саймон считал, что обязан привести в порядок все документы Исайи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.